О ХАРАКТЕРѢ ПРОСВѢЩЕНІЯ ЕВРОПЫ

И О ЕГО ОТНОШЕНІИ

КЪ ПРОСВѢЩЕНІЮ РОССІИ.

(Письмо къ Г. Е. Е. Комаровскому.)

И. Кирѣевскаго.

Библиотека "Руниверс"

О ХАРАКТЕРѢ ПРОСВѢЩЕНІЯ ЕВРОПЫ

И О ЕГО ОТНОШЕНІИ

КЪ ПРОСВѢЩЕНІЮ РОССІИ.

(Письмо къ Г. Е. Е. Комаровскому.)

И. Кирѣевскаго.

Библиотека "Руниверс"

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва Апрѣля 10 дня, 1852 года.

Цензоръ Князь Львовъ.

(Изъ Московскаго Сборника)

Въ Типографіи Александра Семена.

Библиотека "Руниверс"

Въ послѣднее свиданіе наше мы много бесѣдовали съ Вами о характерѣ просвѣщенія европейскаго, и объ его отличіяхъ отъ характера того просвѣщенія Россіи, которое принадлежало ей въ древнія времена, и котораго слѣды до сихъ поръ еще, не только замѣчаются въ нравахъ, обычаяхъ и образѣ мыслей простаго народа, но проникаютъ, такъ сказать, всю душу, весь складъ ума, весь, если можно такъ выразиться, внутренній составъ Русскаго человѣка, непереработаннаго еще западнымъ воспитаніемъ. — Вы требовали отъ меня, чтобы я изложилъ мои мысли объ этомъ предметѣ на бумагѣ. — Но тогда я не могъ исполнить вашего желанія. — Теперь же, когда я долженъ писать о томъ же предметѣ статью для Московскаго Сборника, я прошу позволенія дать этой статьѣ форму письма къ Вамъ: мысль, что я разговариваю съ Вами, согрѣетъ и оживитъ мои кабинетныя размышленія.

Конечно мало вопросовъ, которые въ настоящее время были бы важнѣе этаго вопроса объ отношеніи Русскаго просвѣщенія къ Западному. — Отъ того, какъ онъ разрѣшается въ умахъ нашихъ, зависитъ не толь-

Библиотека "Руниверс"

ко господствующее направленіе нашей литературы, но можетъ быть и направленіе всей нашей умственной дѣятельности, и смыслъ нашей частной жизни, и характеръ общежительныхъ отношеній. Однакоже еще не очень давно то время, когда этотъ вопросъ былъ почти невозможенъ, или, что все равно, разрѣшался такъ легко, что не стоило труда его предлагать. — Общее мнѣніе было таково, что различіе между просвѣщеніемъ Европы и Россіи существуетъ только въ степени, а не въ характерѣ, и еще менѣе въ духѣ или основныхъ началахъ образованности. — У насъ, (говорили тогда) было прежде только варварство: образованность наша начинается съ той минуты, какъ мы начали подражать Европѣ, безконечно опередившей насъ въ умственномъ развитіи. Тамъ науки процвѣтали, когда у насъ ихъ еще не было; тамъ онѣ созрѣли, когда у насъ только начинаютъ распускаться. — Отъ того тамъ учители, мы ученики; — впрочемъ, — прибавляли обыкновенно съ самодовольствомъ, — ученики довольно смышленые, которые такъ быстро перенимаютъ, что скоро вѣроятно обгонятъ своихъ учителей.

« Кто бы могъ подумать, братцы, » — говорилъ Петръ въ 1714 году, въ Ригѣ, осушая стаканъ на новоспущенномъ кораблѣ, — « кто бы могъ думать тому 30 лѣтъ, что вы, Русскіе, будете со мною здѣсь, на Балтійскомъ морѣ строить корабли и пировать въ нѣмецкихъ платьяхъ? — Историки, прибавилъ онъ, полагаютъ древнее сѣдалище наукъ въ Греціи: оттуда перешли онѣ въ Италію и распространились по всѣмъ землямъ Европы. Но невѣжество (1) нашихъ предковъ помѣшало имъ проникнуть далѣе Польши, хотя

---

(1) Петръ употребилъ слово: Die Unart.

и Поляки находились прежде въ такомъ же мракѣ, въ какомъ сперва были и всѣ Нѣмцы, и въ какомъ мы живемъ до сихъ поръ, и только благодаря безконечнымъ усиліямъ своихъ правителей могли они наконецъ открыть глаза и усвоить себѣ европейское знаніе, искусства и образъ жизни. — Это движеніе наукъ на землѣ сравниваю я съ обращеніемъ крови въ человѣкѣ: и мнѣ сдается, что онѣ опять когда нибудь покинутъ свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, и перейдутъ къ намъ на нѣсколько столѣтій, чтобы потомъ снова возвратиться на свою родину, въ Грецію.»

Эти слова объясняютъ увлеченіе, съ которымъ дѣйствовалъ Петръ, и во многомъ оправдываютъ его крайности. Любовь къ просвѣщенію была его страстью. Въ немъ одномъ видѣлъ онъ спасеніе для Россіи; а источникъ его видѣлъ въ одной Европѣ. — Но его убѣжденіе пережило его цѣлымъ столѣтіемъ въ образованномъ, или правильнѣе, въ переобразованномъ имъ классѣ его народа; и тому 30 лѣтъ едва ли можно было встрѣтить мыслящаго человѣка, который бы постигалъ возможность другаго просвѣщенія, кромѣ заимствованнаго отъ Западной Европы.

Между тѣмъ съ тѣхъ поръ въ просвѣщеніи Западно-Европейскомъ, и въ просвѣщеніи Европейско — Русскомъ, произошла перемѣна.

Европейское просвѣщеніе, во второй половинѣ 19-го вѣка достигло той полноты развитія, гдѣ его особенное значеніе выразилось съ очевидною ясностію для умовъ, хотя нѣсколько наблюдательныхъ. Но результатъ этой полноты развитія, этой ясности итоговъ, былъ почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. — Не потому западное просвѣщеніе оказалось неудовлетворительнымъ, чтобы науки на Запа-

Библиотека "Руниверс"

дѣ утратили свою жизненность; напротивъ: онѣ процвѣтали, по видимому, еще болѣе чѣмъ когда нибудь; не потому, чтобы та или другая форма внѣшней жизни тяготѣла надъ отношеніями людей или препятствовала развитію ихъ господствующаго направленія; напротивъ: борьба съ внѣшнимъ препятствіемъ могла бы только укрѣпить пристрастіе къ любимому направленію, и никогда кажется внѣшняя жизнь не устроивалась послушнѣе и согласнѣе съ ихъ умственными требованіями. Но чувство недовольства и безотрадной пустоты легло на сердце людей, которыхъ мысль не ограничивалась тѣснымъ кругомъ минутныхъ интересовъ, именно потому, что самое торжество ума европейскаго обнаружило односторонность его коренныхъ стремленій; потому что при всемъ богатствѣ, при всей, можно сказать, громадности частныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ, общій выводъ изъ всей совокупности знанія представилъ только отрицательное значеніе для внутренняго сознанія человѣка; потому что при всемъ блескѣ, при всѣхъ удобствахъ наружныхъ усовершенствованій жизни, самая жизнь лишена была своего существеннаго смысла: ибо, не проникнутая никакимъ общимъ, сильнымъ убѣжденіемъ, она немогла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрѣта глубокимъ сочувствіемъ. Многовѣковый холодный анализъ разрушилъ всѣ тѣ основы, на которыхъ стояло европейское просвѣщеніе отъ самаго начала своего развитія; такъ, что собственныя его коренныя начала, изъ которыхъ оно выросло, сдѣлались для него посторонними, чужими, противорѣчащими его послѣднимъ результатамъ: между тѣмъ какъ прямою собственностію его оказался этотъ самый, разрушившій его корни, анализъ, — этотъ самодвижущійся ножъ разума, — этотъ отвлеченный силлогизмъ, непризнающій ничего кромѣ себя и

Библиотека "Руниверс"

личнаго опыта, — этотъ самовластный разсудокъ, — или — какъ вѣрнѣе назвать эту логическую дѣятельность, отрѣшенную отъ всѣхъ другихъ познавательныхъ силъ человѣка, кромѣ самыхъ грубыхъ, самыхъ первыхъ чувственныхъ данныхъ, и на нихъ однихъ созидающую свои воздушныя, діалектическія построенія.

Впрочемъ, надобно вспомнить, что чувство недовольства и безнадежности не вдругъ обнаружилось въ западномъ человѣкѣ при первомъ явномъ торжествѣ его разрушительной разсудочности. Опрокинувъ свои вѣковыя убѣжденія, онъ тѣмъ болѣе надѣялся на всемогущество своего отвлеченнаго разума, чѣмъ огромнѣе, чѣмъ крѣпче, чѣмъ объемлющѣе были эти убѣжденія, имъ разрушенныя. Въ первую минуту успѣха его радость не только не была смѣшана съ сожалѣніемъ, но напротивъ, упоеніе его самонадѣянности доходило до какой-то поэтической восторженности. Онъ вѣрилъ, что собственнымъ отвлеченнымъ умомъ можетъ сейчасъ же создать себѣ новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на переобразованной имъ землѣ. Страшные, кровавые опыты не пугали его; огромныя неудачи не охлаждали его надежды; частныя страданія налагали только вѣнецъ мученичества на его ослѣпленную голову; можетъ быть цѣлая вѣчность неудачныхъ попытокъ могла бы только утомить, но не могла бы разочаровать его самоувѣренности, еслибы тотъ же самый отвлеченный разумъ, на который онъ надѣялся, силою собственнаго развитія, не дошелъ до сознанія своей ограниченной односторонности.

Этотъ послѣдній результатъ европейской образованности, правда еще далеко не сдѣлавшійся всеобщимъ, но очевидно начинающій уже господствовать въ передовыхъ мыслителяхъ Запада, принадлежитъ новѣйшей,

Библиотека "Руниверс"

и вѣроятно уже окончательной эпохѣ отвлеченно философскаго мышленія. Но мнѣнія философскія не долго остаются достояніемъ ученыхъ каѳедръ. Что нынче выводъ кабинетнаго мышленія, — то завтра будетъ убѣжденіемъ массъ. Ибо для человѣка, оторваннаго отъ всѣхъ другихъ вѣрованій, кромѣ вѣры въ раціональную науку, и не признающаго другаго источника истины кромѣ выводовъ собственнаго разума, судьба философіи дѣлается судьбою всей умственной жизни. Въ ней не только сходятся всѣ науки и всѣ житейскія отношенія, и связываются въ одинъ узелъ общаго сознанія; но изъ этаго узла, изъ этаго общаго сознанія, снова исходятъ правительственныя нити во всѣ науки и во всѣ житейскія отношенія, даютъ имъ смыслъ и связь, и образовываютъ ихъ по своему направленію. Отъ того не рѣдко видѣли мы, какъ въ какомъ нибудь уголкѣ Европы созрѣваетъ едва замѣченная мысль въ головѣ какого нибудь труженика науки, котораго и лице едва замѣтно толпѣ его окружающей, и черезъ двадцать лѣтъ, эта незамѣтная мысль этаго незамѣтнаго лица управляетъ умами и волею этой же самой толпы, являясь передъ ней въ какомъ нибудь яркомъ историческомъ событіи. — Не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ какой нибудь кабинетный мыслитель изъ своего дымнаго угла могъ по своему произволу управлять исторіей: но потому, что исторія, проходя черезъ его систему, развивается до своего самосознанія. Онъ только замѣчаетъ и сводитъ въ одинъ общій итогъ совокупность господствующихъ результатовъ, и всякій произволъ въ движеніи его мысли отнимаетъ у нея всю силу надъ дѣйствительностію: ибо только та система дѣлается господствующею, которая сама есть необходимый выводъ изъ господствовавшихъ до нея убѣжденій. Такъ въ организмѣ народовъ, ос-

Библиотека "Руниверс"

новывающихъ свои убѣжденія единственно на своихъ личныхъ разумѣніяхъ, голова философа является какъ необходимый естественный органъ, черезъ который проходитъ все кругообращеніе жизненныхъ силъ, отъ внѣшнихъ событій возвышаясь до внутренняго сознанія и отъ внутренняго сознанія снова возвращаясь въ сферу очевидной исторической дѣятельности. Посему можно сказать, что не мыслители западные убѣдились въ односторонности логическаго разума; но самъ логическій разумъ Европы, достигнувъ высшей степени своего развитія, дошелъ до сознанія своей ограниченности, и уяснивъ себѣ законы собственной дѣятельности, убѣдился, что весь объемъ его самодвижной силы не простирается далѣе отрицательной стороны человѣческаго знанія; что его умозрительное сцѣпливаніе выводныхъ понятій требуетъ основаній, почерпнутыхъ изъ другихъ источниковъ познаванія; что высшія истины ума, его живыя зрѣнія, его существенныя убѣжденія, всѣ лежатъ внѣ отвлеченнаго круга его діалектическаго процесса, и хотя не противорѣчатъ его законамъ, однакоже и не выводятся изъ нихъ, и даже не досягаются его дѣятельностію, когда она оторвана отъ своей исконной совокупности съ общею дѣятельностію другихъ силъ человѣческаго духа.

Такъ западный человѣкъ, исключительнымъ развитіемъ своего отвлеченнаго разума утративъ вѣру во всѣ убѣжденія не изъ одного отвлеченнаго разума исходящія, въ слѣдствіе развитія этаго разума потерялъ и послѣднюю вѣру свою въ его всемогущество. Такимъ образомъ былъ онъ принужденъ, или довольствоваться состояніемъ полускотскаго равнодушія ко всему, что выше чувственныхъ интересовъ и торговыхъ расчетовъ, — (такъ сдѣлали многіе: но многіе не могли, ибо еще сохранившимися остатками прежней жиз-

Библиотека "Руниверс"

ии Европы были развиты иначе;)—или долженъ былъ опять возвратиться къ тѣмъ отвергнутымъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли Западъ прежде конечнаго развитія отвлеченнаго разума:—такъ сдѣлали нѣкоторые; но другіе не могли потому, что убѣжденія эти, какъ они образовались въ историческомъ развитіи Западной Европы, были уже проникнуты разлагающимъ дѣйствіемъ отвлеченнаго разума, и потому изъ первобытной сферы своей, изъ самостоятельной полноты и независимости, перешли на степень разумной системы, и отъ того являлись сознанію человѣка Западнаго какъ односторонность разума, вмѣсто того, чтобы быть его высшимъ, живительнымъ началомъ.

Чтоже оставалось дѣлать для мыслящей Европы?—Возвратиться еще далѣе назадъ, къ той первоначальной чистотѣ этихъ основныхъ убѣжденій, въ какой они находились прежде вліянія на нихъ Западно-Европейской разсудочности?—Возвратиться къ этимъ началамъ какъ они были прежде самаго начала западнаго развитія? — Это было бы дѣломъ почти невозможнымъ для умовъ, окруженныхъ и проникнутыхъ всѣми обольщеніями и предразсудками западной образованности. — Вотъ, можетъ быть, почему большая часть мыслителей европейскихъ, не въ силахъ будучи вынести, ни жизни тѣсно эгоистической, ограниченной чувственными цѣлями и личными соображеніями; ни жизни односторонно умственной, прямо противурѣчащей полнотѣ ихъ умственнаго сознанія; — чтобы не оставаться со всѣмъ безъ убѣжденій, и не предаться убѣжденіямъ завѣдомо неистиннымъ, — обратились къ тому избѣгу, что каждый началъ въ своей головѣ изобрѣтать для всего міра новыя общія начала жизни и истины, отыскивая ихъ въ личной игрѣ своихъ мечтательныхъ соображеній, мѣшая новое съ старымъ, невозможное съ возможнымъ; от-

Библиотека "Руниверс"

даваясь безусловно самымъ неограниченнымъ надеждамъ, и каждый противорѣча другому, и каждый требуя общаго признанія другихъ. — Всѣ сдѣлались Колумбами, всѣ пустились открывать новыя Америки внутри своего ума, — отыскивать другое полушаріе земли по безграничному морю невозможныхъ надеждъ, личныхъ предположеній и строго силлогистическихъ выводовъ.

Такое состояніе умовъ въ Европѣ имѣло на Россію дѣйствіе противное тому, какое оно въ послѣдствіи произвело на Западъ. Только немногіе, можетъ быть, и то развѣ на минуту, могли увлечься наружнымъ блескомъ этихъ безразсудныхъ системъ, обмануться искусственнымъ благообразіемъ ихъ гнилой красоты; но большая часть людей, слѣдившихъ за явленіями западной мысли, убѣдившись въ неудовлетворительности европейской образованности, обратили вниманіе свое на тѣ особенныя начала просвѣщенія, неоцѣненныя европейскимъ умомъ, которыми прежде жила Россія, и которыя теперь еще замѣчаются въ ней помимо европейскаго вліянія.

Тогда начались живыя историческія розысканія, сличенія, изданія. Особенно благодѣтельны были въ этомъ случаѣ дѣйствія нашего Правительства, открывшаго въ глуши монастырей, въ пыли забытыхъ архивовъ, и издавшаго въ свѣтъ столько драгоцѣнныхъ памятниковъ старины. — Тогда Русскіе ученые, можетъ быть въ первый разъ послѣ полутораста лѣтъ, обратили безпристрастный, испытующій взоръ внутрь себя и своего отечества, и изучая въ немъ новыя для нихъ элементы умственной жизни, поражены были страннымъ явленіемъ: они съ изумленіемъ увидѣли, что почти во всемъ, что касается до Россіи, ея исторіи, ея народа, ея вѣры, ея коренныхъ основъ просвѣщенія,

Библиотека "Руниверс"

и явныхъ, еще теплыхъ слѣдовъ этого просвѣщенія на прежней Русской жизни, на характерѣ и умѣ народа, — почти во всемъ, говорю я, — они были до сихъ поръ обмануты. — Не потому, что бы кто нибудь съ намѣреніемъ хотѣлъ обмануть ихъ: но потому, что безусловное пристрастіе къ Западной образованности и безотчетное предубѣжденіе противъ Русскаго варварства, заслоняли отъ нихъ разумѣніе Россіи. — Можетъ быть и они сами прежде, подъ вліяніемъ тѣхъ же предразсудковъ, содѣйствовали къ распространенію того же ослѣпленія. Но обаяніе было такъ велико, что скрывало отъ нихъ самые явные предметы, стоявшіе, такъ сказать передъ ихъ глазами; за то и пробужденіе совершается такъ быстро, что удивляетъ своею неожиданностію. Ежедневно видимъ мы людей, раздѣлявшихъ западное направленіе, — и нерѣдко между ними людей, принадлежащихъ къ числу самыхъ просвѣщенныхъ умовъ и самыхъ твердыхъ характеровъ, — которые совершенно перемѣняютъ свой образъ мыслей единственно отъ того, что безпристрастно и глубоко обращаютъ свое вниманіе внутрь себя и своего отечества, изучая въ немъ: тѣ основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность Русскаго быта; — въ себѣ: открывая тѣ существенныя стороны духа, которыя не находили себѣ ни мѣста, ни пищи въ западномъ развитіи ума.

Впрочемъ, понять и выразить эти основныя начала, изъ которыхъ сложилась особенность Русскаго быта,— не такъ легко, какъ, можетъ быть, думаютъ нѣкоторые. Ибо коренныя начала просвѣщенія Россіи не раскрылись въ ея жизни до той очевидности, до какой развились начала западнаго просвѣщенія въ его исторіи. Чтобы ихъ найти, надобно искать; они не бросаются сами въ глаза, какъ бросается образованность европейская. Европа

Библиотека "Руниверс"

высказалась вполнѣ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ она, можно сказать, докончила кругъ своего развитія, начавшійся въ девятомъ. Россія, хотя въ первые вѣка своей исторической жизни была образована не менѣе Запада, однакоже, въ слѣдствіе постороннихъ, и по видимому случайныхъ препятствій, была постоянно останавливаема на пути своего просвѣщенія; такъ, что для настоящаго времени могла она сберечь, не полное и досказанное его выраженіе, но только одни, такъ сказать, намеки на его истинный смыслъ; одни его первыя начала, и ихъ первые слѣды на умѣ и жизни Русскаго человѣка.

Въ чемъ же заключаются эти начала просвѣщенія Русскаго? — Что представляютъ они особеннаго отъ тѣхъ началъ, изъ которыхъ развилось просвѣщеніе Западное? и возможно ли ихъ дальнѣйшее развитіе? и если возможно, то что̀ обѣщаютъ они для умственной жизни Россіи? Что могутъ принести для умственной жизни Европы? — Ибо, послѣ совершившагося сопроникновенія Россіи и Европы, уже не возможно предполагать ни развитія умственной жизни въ Россіи безъ отношенія въ Европѣ, ни развитія умственной жизни въ Европѣ безъ о̀тношенія къ Россіи.

Начала просвѣщенія Русскаго совершенно отличны отъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составилось просвѣщеніе народовъ Европейскихъ. Конечно, каждый изъ народовъ Европы имѣетъ въ характерѣ своей образованности нѣчто особое: но эти частныя племенныя и государственныя или историческія особенности не мѣшаютъ имъ всѣмъ составлять вмѣстѣ то духовное единство, куда каждая особая часть входитъ какъ живой членъ въ одно личное тѣло. Отъ того, посреди всѣхъ историческихъ случайностей, они развивались всегда въ тѣсномъ и сочувственномъ соотношеніи. Россія, отдѣлив-

Библиотека "Руниверс"

нись духомъ отъ Европы, жила и жизнію отдѣльною отъ нея. Англичанинъ, Французъ, Итальянецъ, Нѣмецъ, никогда не переставалъ быть Европейцемъ, всегда сохраняя при томъ свою національную особенность. Русскому человѣку, напротивъ того, надобно было почти уничтожить свою народную личность, чтобы сродниться съ образованностью западною: ибо и наружный видъ, и внутренній складъ ума, взаимно другъ друга объясняющіе и поддерживающіе, были въ немъ слѣдствіемъ совсѣмъ другой жизни, проистекающей совсѣмъ изъ другихъ источниковъ.

Кромѣ разностей племенныхъ, еще три историческія особенности дали отличительный характеръ всему развитію просвѣщенія на Западѣ: особая форма, черезъ которую проникало въ него Христіанство; особый видъ, въ которомъ перешла къ нему образованность древне-классическаго міра, и наконецъ, особые элементы, изъ которыхъ сложилась въ немъ государственность.

Христіанство было душею умственной жизни народовъ на Западѣ, также какъ и въ Россіи. Но въ Западную Европу проникало оно единственно черезъ Церковь Римскую.

Конечно каждый патріархатъ, каждое племя, каждая страна въ Христіанскомъ мірѣ, не переставали сохранять свою личную особенность, участвуя притомъ въ общемъ единствѣ всей Церкви. Каждый народъ, въ слѣдствіе мѣстныхъ, племенныхъ или историческихъ случайностей развившій въ себѣ преимущественно одну какую нибудь сторону умственной дѣятельности, естественно долженъ былъ и въ духовной жизни своей, и въ писаніяхъ своихъ богослововъ, удерживать тотъ же свой особенный характеръ, свою, такъ сказать, природную физіономію, — только просвѣтленную высшимъ

Библиотека "Руниверс"

сознаніемъ. Такъ богословскіе писатели Сирійскихъ странъ обращали, кажется, преимущественное вниманіе на внутреннюю, созерцательную жизнь человѣка, отрѣшеннаго отъ міра. Римскіе богословы занимались особенно стороною практической дѣятельности и логической связи понятій. Духовные писатели просвѣщенной Византіи болѣе другихъ, кажется, имѣли въ виду отношеніе Христіанства къ частнымъ наукамъ вокругъ него процвѣтавшимъ, и сперва враждовавшимъ съ нимъ, а потомъ покорившимся ему. Богословы Александрійскіе, находясь въ двоякой борьбѣ: съ язычествомъ и Іудействомъ, окруженные философскими, теософскими и гностическими школами, по преимуществу обращали вниманіе на умозрительную сторону Христіанскаго ученія. Различные пути вели къ одной общей цѣли, покуда стремящіеся по нимъ не уклонялись отъ общей цѣли. Вездѣ бывали частныя ереси, которыя всегда имѣли близкое отношеніе къ господствующему направленію народовъ, гдѣ онѣ возникали; но онѣ уничтожались единомысліемъ Церкви Вселенской, соединявшей всѣ частныя Церкви въ одно святое согласіе. — Бывали времена, когда опасность уклоненія угрожала и цѣлымъ Патріархатамъ: когда ученіе, несогласное съ ученіемъ Вселенской Церкви, согласовалось однакоже съ господствующимъ направленіемъ и умственною особенностію народовъ, частную церковь составлявшихъ; но въ эти времена испытанія, когда для частной Церкви предстоялъ рѣшительный выборъ: или отторгнуться отъ Церкви Вселенской, или пожертвовать своимъ частнымъ мнѣніемъ, Господь спасалъ Свои Церкви единодушіемъ всего Православнаго міра. — Особенность каждой частной Церкви тогда только могла бы увлечь её въ расколъ, когда бы она отдѣлилась отъ преданія и общенія съ другими церквами; но оставаясь вѣрною об-

Библиотека "Руниверс"

щему преданію и общему согласію любви, каждая частная Церковь, особымъ характеромъ своей духовной дѣятельности только увеличивала общее богатство и полноту духовной жизни всего Христіанства. Такъ и Римская Церковь имѣла свою, такъ сказать, законную особенность прежде чѣмъ отдѣлилась отъ Церкви Вселенской; но отдѣлившись отъ нея, она естественно должна была эту частную свою особенность обратить въ исключительную форму, черезъ которую одну христіанское ученіе могло проникать въ умы народовъ ей подчиненныхъ.

Образованность древняго до-Христіанскаго міра, — вторый элементъ, изъ котораго развилось просвѣщеніе Европы, — была извѣстна Западу до половины 15-го вѣка почти исключительно въ томъ особенномъ видѣ, какой она приняла въ жизни древняго языческаго Рима; но другая сторона ея, образованность Греческая и Азіатская, въ чистомъ видѣ своемъ почти не проникала въ Европу до самаго почти покоренія Константинополя. Между тѣмъ Римъ, какъ извѣстно, далеко не былъ представителемъ всего языческаго просвѣщенія: ему принадлежало только господство матеріяльное надъ міромъ, между тѣмъ какъ умственное господство надъ нимъ принадлежало и языку и образованности Греческой. Потому, всю опытность человѣческаго ума, все достояніе его, которое онъ добылъ себѣ въ продолженіе шеститысячилѣтнихъ усилій, принимать единственно въ той формѣ, какую оно получило въ образованности Римской, — значило принимать его въ видѣ совершенно одностороннемъ, и неминуемо подвергаться опасности: сообщить эту односторонность и характеру собственной своей образованности. — Такъ дѣйствительно и совершилось съ Европою. — Когда же въ 15-мъ вѣкѣ, Греческіе изгнанники перешли на Западъ съ своими

Библиотека "Руниверс"

драгоцѣнными рукописями, то было уже поздно. Образованность Европы, правда, оживилась; но смыслъ ея остался тотъ же: складъ ума и жизни былъ уже заложенъ. Греческая наука разширила кругъ знанія и вкуса, разбудила мысли, дала умамъ полетъ и движеніе; но господствующаго направленія духа уже измѣнить не могла.

Наконецъ третій элементъ просвѣщенія, образованность общественная, представляетъ ту особенность на Западѣ, что почти ни въ одномъ изъ народовъ Европы— государственность не произошла изъ спокойнаго развитія національной жизни и національнаго самосознанія, гдѣ господствующія, религіозныя и общественныя понятія людей, воплощаясь въ бытовыхъ отношеніяхъ, естественно выростаютъ и крѣпнутъ и связываются въ одно общее единомысліе, правильно отражающееся въ стройной цѣльности общественнаго организма. Напротивъ: общественный бытъ Европы, по какой-то странной исторической случайности, почти вездѣ возникъ насильственно, изъ борьбы на смерть двухъ враждебныхъ племенъ: изъ угнетенія завоевателей, изъ противодѣйствія завоеванныхъ, и наконецъ изъ тѣхъ случайныхъ условій, которыми наружно кончались споры враждующихъ, несоразмѣрныхъ силъ.

Эти три элемента Запада: Римская Церковь, древне-Римская образованность и, возникшая изъ насилій завоеванія, государственность, были совершенно чужды древней Россіи. Принявъ ученіе Христіанское отъ Греціи, она постоянно находилась въ общеніи со Вселенскою Церковью. Образованность древне-языческаго міра переходила къ ней уже сквозь ученіе Христіанское, не дѣйствуя на нее одностороннимъ увлеченіемъ, какъ живой остатокъ какой нибудь частной народности: только въ послѣдствіи, утвердившись въ образованно-

Библиотека "Руниверс"

сти Христіанской, начинала она усвоивать себѣ послѣдніе результаты наукообразнаго просвѣщенія древняго міра, — когда Провидѣнію видимо угодно было остановить дальнѣйшій ходъ ея умственнаго развитія, спасая ее, можетъ быть, отъ вреда той односторонности, которая неминуемо стала бы ея удѣломъ, еслибы ея разсудочное образованіе началось прежде, чѣмъ Европа докончила кругъ своего умственнаго развитія, и когда, не обнаруживъ еще послѣднихъ выводовъ своихъ, она могла тѣмъ безотчетнѣе и, тѣмъ глубже завлечь ее въ ограниченную сферу своего особеннаго развитія — Христіанство, проникнувъ въ Россію, не встрѣтило въ ней тѣхъ громадныхъ затрудненій, съ какими должно было бороться въ Римѣ и Греціи, и въ Европейскихъ земляхъ, пропитанныхъ Римскою образованностію. Чистому вліянію его ученія на внутреннюю и общественную жизнь человѣка, Словенскій міръ не представлялъ тѣхъ неодолимыхъ препятствій, какія оно находило въ сомкнутой образованности міра классическаго и въ односторонней образованности народовъ Западныхъ. Во многомъ даже племенныя особенности Словенскаго быта помогали успѣшному осуществленію Христіанскихъ началъ. Между тѣмъ основныя понятія человѣка о его правахъ и обязанностяхъ, о его личныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, не составлялись насильственно изъ формальныхъ условій враждующихъ племенъ и классовъ, — какъ послѣ войны проводятся искусственныя границы между сосѣдними государствами по мертвой буквѣ выспореннаго трактата. Но, неиспытавъ завоеванія, Русскій народъ устроивался самобытно. Враги, угнетавшіе его, всегда оставались внѣ его, не мѣшаясь въ его внутреннее развитіе. Татары, Ляхи, Венгры, Нѣмцы и другіе бичи, посланные ему Провидѣніемъ, мо-

Библиотека "Руниверс"

гли только остановить его образованіе, и дѣйствительно остановили его, но не могли измѣнить существеннаго смысла его внутренней и общественной жизни.

Между тѣмъ эти, чуждые Россіи, три элемента первоначальной образованности Европейской: Римская Церковь, древне-Римскій міръ и, возникшая изъ завоеванія, государственность, опредѣлили весь кругъ дальнѣйшаго развитія Европы, — какъ три точки въ пространствѣ опредѣляютъ круговую линію, которая черезъ нихъ проходитъ.

Вліяніе живыхъ еще развалинъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія остатковъ старой Римской образованности, на новорождающуюся образованность Запада—было всеобъемлющее. Проникая въ самое основное строеніе общественныхъ отношеній, въ законы, въ языкъ, въ нравы, въ обычаи, въ первое развитіе наукъ и искусствъ Европейскихъ, древній Римъ долженъ былъ по неволѣ сообщить, болѣе или менѣе, всѣмъ отношеніямъ Западнаго человѣка тотъ особенный характеръ, которымъ самъ онъ отличался отъ другихъ народовъ; и этотъ особенный характеръ всей совокупности отношеній, окружающихъ человѣка, по необходимости долженъ былъ проникнуть въ самый, такъ сказать, внутренній составъ его жизни, переобразовывая, болѣе или менѣе, всѣ другія вліянія согласно своему господствующему направленію.

Потому главная особенность умственнаго характера Рима должна была отразиться и въ умственной особенности Запада. Но если мы захотимъ эту господствующую особенность Римскаго образованія выразить одною общею формулою, то не ошибемся, кажется, если скажемъ, что отличительный складъ Римскаго ума заключался въ томъ именно, что въ немъ наружная разсудочность брала перевѣсъ надъ внутреннею

Библиотека "Руниверс"

сущностью вещей. Этотъ характеръ очевидно представляетъ намъ общественный и семейный бытъ Рима, логически и нераскаянно уродовавшій естественныя и нравственныя отношенія людей, по внѣшней буквѣ случайно выразившагося закона. Тотъ же характеръ представляетъ намъ и поэзія Римлянъ, работавшая надъ художественнымъ усовершенствованіемъ внѣшнихъ формъ чужаго вдохновенія. Тоже представляетъ намъ ихъ языкъ, задавившій подъ искусственною стройностію грамматическихъ конструкцій — естественную свободу и живую непосредственность душевныхъ движеній. Тотъ же характеръ видимъ мы въ самыхъ знаменитыхъ законахъ Римскихъ, гдѣ стройность внѣшней формальности доведена до столь изумительнаго логическаго совершенства, при изумительномъ тоже отсутствіи внутренней справедливости. Тоже наружное сцѣпленіе мыслей на счетъ внутренней, живой полноты смысла, представляетъ намъ и Религія Римская, — за внѣшними обрядами почти забывшая ихъ таинственное значеніе, — Римская Религія, — это собраніе всѣхъ разнородныхъ, даже противорѣчащихъ другъ другу божествъ языческаго міра, наружно совмѣщенныхъ, внутренно разнорѣчащихъ, въ тоже время логически соглашенныхъ въ одно символическое поклоненіе, гдѣ подъ покрываломъ философской связи скрывалось внутреннее отсутствіе вѣры. Тотъ же характеръ разсудочнаго направленія замѣчаемъ мы и въ нравахъ Римскихъ, гдѣ такъ высоко цѣнилась внѣшняя дѣятельность человѣка, и такъ мало обращалось вниманія на ея внутренній смыслъ; гдѣ гордость была добродѣтелью; гдѣ личное логическое убѣжденіе каждаго было единственнымъ руководствомъ его дѣйствій; гдѣ, потому, каждая личность сознавала себя не только за нѣчто особое, но и за нѣчто отличное

Библиотека "Руниверс"

отъ другихъ личностей, и не понимала къ нимъ иныхъ отношеній, кромѣ отношеній, логически выведенныхъ изъ наружныхъ условій жизни. Потому Римлянинъ не зналъ почти другой связи между людьми, кромѣ связи общаго интереса ; другаго единства , кромѣ единства партіи. Самый патріотизмъ Римлянина — безкорыстнѣйшее чувство, до котораго онъ могъ достигнуть, — былъ для него не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для Грека. Онъ не любилъ дыма отечества; даже дымъ Греческаго очага былъ для него привлекательнѣе. Онъ любилъ въ отечествѣ интересъ своей партіи и тò особенно , что оно ласкало его гордость. Но непосредственное , общечеловѣческое чувство было почти заглушено въ душѣ Римлянина. Относительно же согражданъ своихъ понималъ онъ себя почти также , какъ его великій Римъ понималъ себя относительно другихъ городовъ , его окружавшихъ : равно готовый на союзъ и на войну , онъ рѣшался на то или другое по указанію разсчета, постоянно слушая внушенія той страсти , которая обыкновенно господствуетъ внутри ума сухо-логическаго и корыстно-дѣятельнаго: я говорю о страсти преобладанія надъ другими , которая въ душѣ Римлянина занимала тоже мѣсто , какое въ душѣ сочувственнаго Грека занимала страсть безразсуднаго славолюбія. Однимъ словомъ: во всѣхъ особенностяхъ Римскаго человѣка, во всѣхъ изгибахъ умственной и душевной дѣятельности , видимъ мы одну общую черту , что наружная стройность его логическихъ понятій была для него существеннѣе самой существенности, и что внутреннее равновѣсіе его бытія, если можно такъ выразиться , сознавалось имъ единственно въ равновѣсіи разсудочныхъ понятій или внѣшней формальной дѣятельности.

Христіанство, разумѣется, при самомъ появленіи сво-

Библиотека "Руниверс"

емъ среди языческаго міра, противорѣчило этому направленію корыстной личности и самомнительной разсудочности Римскаго человѣка. Обращая главную дѣятельность духа къ внутренней цѣльности бытія, оно не только противилось всякой страстности увлеченій, хотя бы и благовидными предлогами украшенной, но вмѣстѣ, возводя умъ къ живому средоточію самопознанія, оно боролось и съ тѣмъ состояніемъ духовнаго распаденія, гдѣ односторонняя разсудочность отрывается отъ другихъ силъ духа и думаетъ достигнуть истины наружною связностію понятій. Между тѣмъ, какъ для этой внѣшней, разсудочной мудрости Христіанская проповѣдь казалась безуміемъ: съ высоты Христіанскаго ученія, эта надменная разсудочность являлась во всей бѣдности своей нечувственной слѣпоты. Потому, въ первые вѣка Церкви, видимъ мы въ богословскихъ писателяхъ даже Римскаго міра нерѣдкія нападенія на ложность языческаго философствованія. Однакоже господство чисто-Христіанскаго направленія не могло совершенно изгладить изъ ихъ ума особенность Римской физіономіи, — которая, какъ уже мы замѣтили, оставаясь въ своихъ законныхъ границахъ, не только не мѣшала истинному направленію духа, но напротивъ должна была еще увеличивать многостороннее богатство его проявленій, и только тамъ увлекала въ заблужденія, гдѣ ея излишествомъ нарушалось внутреннее равновѣсіе духа. Такъ Тертуліанъ, можетъ быть самый краснорѣчивый изъ богословскихъ писателей Рима, особенно поражаетъ своею блестящею логикою, наружною связностію своихъ положеній: многія изъ его произведеній навсегда остаются украшеніемъ Церкви, хотя самое излишество логической способности, или, лучше сказать, ея отдѣленность отъ другихъ силъ разума увлекла его въ ту крайность, гдѣ

Библиотека "Руниверс"

его ученіе уже оторвалось отъ ученія чисто-Христіанскаго. — Счастливѣе былъ его знаменитый ученикъ, Св. Кипріанъ, хотя не менѣе его замѣчателенъ особенностію своей логической силы. — Но ни одинъ, можетъ быть, изъ древнихъ и новыхъ Отцовъ Церкви не отличался столько любовію къ логическому сцѣпленію истинъ, какъ Блаженный Августинъ, по преимуществу называемый Учителемъ Запада. Нѣкоторыя сочиненія его являются какъ бы одна, изъ кольца въ въ кольцо неразрывно сомкнутая, желѣзная цѣпь силлогизмовъ. Отъ того, можетъ быть, иногда увлекался онъ слишкомъ далеко, за наружною стройностію не замѣчая внутреннюю односторонность мысли, такъ, что въ послѣдніе годы своей жизни долженъ былъ самъ писать опроверженіе нѣкоторымъ изъ своихъ прежнихъ утвержденій.

Но если эта особенная приверженность Римскаго міра къ наружному сцѣпленію понятій — была не безопасна для Римскихъ богослововъ еще въ то время, когда Римская Церковь была живою частію Церкви Вселенской, когда общее сознаніе всего Православнаго міра удерживало каждую особенность въ законномъ равновѣсіи,—то понятно, что, послѣ отдѣленія Рима, эта особенность Римскаго ума должна была взять рѣшительный перевѣсъ въ характерѣ ученія Римскихъ Богослововъ. Можетъ быть даже, эта Римская особенность, эта оторванная разсудочность, эта излишняя склонность къ наружному сцѣпленію понятій, была одною изъ главнѣйшихъ причинъ самаго отпаденія Рима. — Конечно не мѣсто здѣсь разбирать ни причины, ни обстоятельства этого отпаденія, Римскій ли духъ преобладанія былъ тайнымъ побужденіемъ главныхъ дѣятелей, или другія причины: всѣ предположенія могутъ быть подвержены спору; но не подверженъ сомнѣ-

Библиотека "Руниверс"

нію самый предлогъ отпаденія: новое прибавленіе догмата къ прежнему символу, прибавленіе, которое противъ древняго преданія и общаго сознанія Церкви, оправдывалось единственно логическими выводами Западныхъ богослововъ.

Мы потому особенно упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ, что оно лучше другихъ можетъ намъ объяснить характеръ Западной образованности, гдѣ Римская отрѣшенная разсудочность уже съ 9-го вѣка проникла въ самое ученіе богослововъ, разрушивъ своею односторонностію гармоническую цѣльность внутренняго умозрѣнія.

Съ этой точки зрѣнія для насъ становится понятнымъ, почему Западные богословы, со всею разсудочною добросовѣстностію, могли не видать единства Церкви иначе, какъ въ наружномъ единствѣ Епископства; почему наружнымъ дѣламъ человѣка могли они приписывать существенное достоинство; почему, при внутренней готовности души и при недостаткѣ этихъ наружныхъ дѣлъ, не понимали они для нея другаго средства спасенія, кромѣ опредѣленнаго срока чистилища; почему, наконецъ, могли они приписывать нѣкоторымъ людямъ даже избытокъ достоинства наружныхъ дѣлъ и вмѣнять этотъ избытокъ недостатку другихъ, тоже за какія нибудь наружныя дѣйствія, совершенныя для внѣшней пользы Церкви.

Такимъ образомъ, подчинивъ вѣру логическимъ выводамъ разсудка, Западная Церковь еще въ 9-мъ вѣкѣ положила внутри себя неминуемое сѣмя реформаціи, которая поставила ту же Церковь передъ судомъ тогоже логическаго разума, ею самою возвышеннаго надъ общимъ сознаніемъ Церкви Вселенской; и тогда еще мыслящій человѣкъ могъ уже видѣть Лютера изъ за Папы Николая 1-го, какъ, по словамъ Римскихъ ка-

Библиотека "Руниверс"

толиковъ, мыслящій человѣкъ XVI вѣка могъ уже изъ за Лютера предвидѣть Штрауса.

Очевидно, что таже нравственная причина, тотъ же перевѣсъ логической односторонности, который произвелъ ученіе о необходимости наружнаго единства Церкви, долженъ былъ породить и ученіе о непогрѣшаемости ея видимой главы. Это было прямымъ слѣдствіемъ того особеннаго характера образованности, который начиналъ господствовать въ Западномъ мірѣ. Изъ этой же причины общаго состоянія умовъ въ Европѣ, произошло и то обстоятельство, что Франкскій Императоръ могъ предложить, а Римскій Архіерей могъ принять свѣтское владычество въ своей Эпархіи. Потомъ, по той же логической причинѣ, должно было полудуховное владычество Папы распространиться надъ всѣми правителями Запада и породить все устройство, такъ называемой, Святой Римской Имперіи, и весь характеръ историческаго развитія среднихъ вѣковъ, гдѣ свѣтская власть безпрестанно смѣшивалась съ духовною и безпрестанно боролась съ нею, взаимно приготовляя одна другой мѣсто для будущаго паденія во мнѣніи народномъ, между тѣмъ, какъ въ тоже время, внутри человѣка Западнаго, происходила тоже борьба между вѣрою и разумомъ, между преданіемъ и личнымъ самомнѣніемъ; и какъ духовная власть Церкви искала себѣ основанія въ силѣ свѣтской, такъ духовное убѣжденіе умовъ Западныхъ искало себѣ основаніе въ разсудочномъ силлогизмѣ.

Такъ искусственно устроивъ себѣ наружное единство, поставивъ надъ собою одну единую главу, соединившую власть духовную и свѣтскую, Церковь Западная произвела раздвоеніе въ своей духовной дѣятельности, въ своихъ внутреннихъ интересахъ и въ внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ къ міру. Двойная баш-

Библиотека "Руниверс"

ня, которая обыкновенно возвышается надъ Католическимъ костеломъ, можетъ служить символомъ этого раздвоенія.

Между тѣмъ свѣтскіе правители, подчинившіеся главенству тривѣнчаннаго правителя Церкви, сомкнули такимъ образомъ феодальное устройство, такъ называемой, Святой Римской Имперіи. — Можетъ быть, это былъ единственный разумный исходъ общественной жизни народовъ, которыхъ государственное устройство возникло изъ завоеванія. Ибо непримиримая борьба двухъ спорящихъ племенъ, угнетавшаго и угнетеннаго, произвела на все развитіе ихъ исторіи постоянную ненависть сословій, неподвижно другъ противъ друга стоящихъ, съ своими враждебными правами, съ исключительными преимуществами однаго, съ глубокимъ недовольствомъ и безконечными жалобами другаго, съ упорною завистію возникшаго между ними средняго, съ общимъ и вѣчно болѣзненнымъ колебаніемъ ихъ относительнаго перевѣса, изъ котораго рождались наружныя, формальныя и насильственныя условія примиренія, которыми всѣ стороны оставались недовольными и которыя могли получить нѣкоторое утвержденіе въ сознаніи общественномъ только изъ начала, внѣ государства находящагося. Между тѣмъ, чѣмъ менѣе было правъ для сословія, происшедшаго отъ племени завоеваннаго, тѣмъ менѣе было правомѣрности и въ понятіяхъ сословія, происшедшаго отъ завоевателей. Каждая благородная личность стремилась сдѣлаться сама верховнымъ закономъ своихъ отношеній къ другимъ. Мысль объ общей государственности или народности не могла проникнуть въ ихъ независимое сердце, со всѣхъ сторонъ защищенное желѣзомъ и гордостію. Только ими же изобрѣтенныя и добровольно установленныя правила внѣшнихъ формальныхъ

Библиотека "Руниверс"

отношеній — могли подчинить себѣ ихъ самоуправный произволъ. — Такимъ образомъ законы чести, хотя родились изъ потребности времени, какъ единственно возможная замѣна закона при совершенной беззаконности, однако же характеромъ своимъ обличаютъ такую односторонность общественнаго быта, такую крайнюю внѣшность и формальность личныхъ отношеній, и такое забвеніе ихъ существенной стороны, что, взятыя отдѣльно отъ всей жизни Европейской, они одни могли бы служить полнымъ зеркаломъ всего развитія Западной общественности.

Каждый благородный рыцарь, внутри своего зâмка, былъ отдѣльное государство. Потому и отношенія между благородными лицами могли имѣть только внѣшній, формальный характеръ. Такой же внѣшній, формальный характеръ должны были носить и отношенія ихъ къ другимъ сословіямъ. Потому и развитіе права гражданскаго въ Западныхъ государствахъ получило тотъ же смыслъ внѣшней, спорно-буквальной формальности, какой лежалъ въ самой основѣ общественныхъ отношеній. Римское право, еще продолжавшее жить и дѣйствовать въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городахъ Европы, еще болѣе укрѣпило это направленіе внѣшней формальности въ Европейской юриспруденціи. Ибо Римское право имѣетъ тотъ же внѣшній формальный характеръ, за наружною буквою формы—забывающій внутреннюю справедливость: можетъ быть потому, что и Римская общественная жизнь также развилась изъ постоянной борьбы двухъ противоположныхъ народностей, насильственно въ одну государственность втѣсненныхъ.

Этимъ объясняется между прочимъ, отъ чего, чужое для Европейскихъ народовъ, Римское право такъ легко могло привиться къ нимъ, исключая тѣ немногія

Библиотека "Руниверс"

страны, гдѣ общественность возникла не изъ завоеванія, и которыя потому обѣщаютъ болѣе цѣльное развитіе въ будущемъ.

Но, начавшись насиліемъ, государства Европейскія должны были развиваться переворотами, ибо развитіе государсва есть ничто иное, какъ раскрытіе внутреннихъ началъ, на которыхъ оно основано. Потому Европейскія общества, основанныя насиліемъ, связанныя формальностію личныхъ отношеній, проникнутыя духомъ односторонней разсудочности, должны были развить въ себѣ не общественный духъ, но духъ личной отдѣленности, связываемой узлами частныхъ интересовъ и партій. — Отъ чего исторія Европейскихъ государствъ хотя представляетъ намъ иногда внѣшніе признаки процвѣтанія жизни общественной, — но, въ самомъ дѣлѣ, подъ общественными формами скрывались постоянно одни частныя партіи, для своихъ частныхъ цѣлей и личныхъ системъ забывавшія о жизни цѣлаго государства. Партіи папскія, партіи императорскія, партіи городскія, партіи церковныя, придворныя, личныя, правительственныя, религіозныя, политическія, народныя, средне-сословныя, даже партіи метафизическія, — постоянно боролись въ Европейскихъ государствахъ, стараясь каждая перевернуть его устройство согласно своимъ личнымъ цѣлямъ. Потому развитіе въ государствахъ Европейскихъ совершалось не спокойнымъ возростаніемъ, но всегда посредствомъ, болѣе или менѣе, чувствительнаго переворота. Переворотъ былъ условіемъ всякаго прогресса, покуда самъ сдѣлался уже не средствомъ къ чему-нибудь, но самобытною цѣлью народныхъ стремленій.

Очевидно, что, при такихъ условіяхъ, образованность Европейская должна была окончиться разруше-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ всего умственнаго и общественнаго зданія, ею же самою воздвигнутаго.

Однако же это распаденіе разума на частныя силы, это преобладаніе разсудочности надъ другими дѣятельностями духа, — которое въ послѣдствіи должно было разрушить все зданіе Европейской средневѣковой образованности, — въ началѣ имѣло дѣйствіе противное и произвело тѣмъ быстрѣйшее развитіе, чѣмъ оно было одностороннѣе. Таковъ законъ уклоненія человѣческаго разума: наружность блеска, при внутреннемъ потемнѣніи.

Еще быстрѣе совершилось развитіе образованности Арабской, ибо оно было еще одностороннѣе, хотя имѣло то же отвлеченно-разсудочное направленіе, какое приняла и средневѣковая Европа. Но просвѣщенію Магометанскому легче было обратить въ логическую формальность свои основныя убѣжденія, чѣмъ просвѣщенію Христіанскому, существенно живому и цѣльному. Систематическая связь отвлеченныхъ понятій была высшею цѣлью, до которой могло достигнуть умственное самосознаніе Магометанина, и которая лежала, можно сказать, въ самомъ основаніи его вѣры. Ибо, требуя отъ него только отвлеченнаго признанія нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ и метафизическаго признанія единства Божества, она притомъ не требовала отъ него внутренней цѣльности самопознанія, но спокойно оставляла распавшуюся натуру человѣка въ ея непримиренной раздвоенности; она не указывала ему высшей цѣли бытія, но, напротивъ, указывала ему состояніе грубо чувственныхъ наслажденій не только, какъ лучшую награду для здѣшней жизни, но даже какъ высшую цѣль будущей. Потому все, до чего могла доходить умственная потребность Магометанина, заключалось въ потребности отвлеченнаго логическаго единства, въ наружномъ порядкѣ его мыслей

Библиотека "Руниверс"

и систематической правильности ихъ взаимныхъ отношеній. Крайняя метафизическая задача, которую могла предлагать себѣ любознательность Магометанская, — эта, такъ сказать, поэзія Магометанскаго любомудрія, — заключалась въ составленіи видимыхъ формулъ для невидимой дѣятельности міра духовнаго: въ отысканіи талисманической связи между законами міра надзвѣзднаго и законами міра подлуннаго. Отсюда ихъ страсть къ логикѣ, отсюда ихъ астрологія, алхимія, хиромантія, и всѣ ихъ отвлеченно-разсудочныя и чувственно-духовныя науки. Отсюда также объясняется, почему Арабы, хотя получили начало своей умственной образованности отъ Сирійскихъ Грековъ, хотя находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Византіею, однако же на ходъ просвѣщенія Греческаго не имѣли почти никакого вліянія. Но на Западную Европу произвели они тѣмъ сильнѣйшее дѣйствіе, что принесли туда весь блескъ своего процвѣтанія наукъ въ то время, когда Европа находилась въ состояніи почти совершеннаго невѣжества. Своимъ отвлеченно-логическимъ направленіемъ учености они, безъ сомнѣнія, содѣйствовали также къ усиленію этого же направленія въ просвѣщеніи Европейскомъ, — примѣшавъ только, на нѣкоторое время, къ господствующему теченію Европейскаго мышленія, разноцвѣтную струю своихъ талисманическихъ умозрѣній. Они первые познакомили Латинскихъ богослововъ съ твореніями Аристотеля, которые въ первый разъ сдѣлались извѣстны имъ въ переводѣ съ Арабскаго, вмѣстѣ съ Арабкими толкованіями: — такъ мало знакома имъ была Греческая образованность.

Аристотель, никогда не понятый вполнѣ, но до безконечности изучаемый въ частностяхъ, былъ, какъ извѣстно, душою схоластики, которая, въ свою очередь, была

Библиотека "Руниверс"

представительницею всего умственнаго развитія тогдашней Европы, и самымъ яснымъ его выраженіемъ.

Схоластика была ничто иное, какъ стремленіе къ наукообразному богословію. Ибо богословіе было тогда и высшею цѣлью и главнымъ источникомъ всякого знанія. Задача схоластики состояла въ томъ, чтобы не только связать понятія богословскія въ разумную систему, но и подложить подъ нихъ разсудочно-метафизическое основаніе. Главными орудіями для того были творенія Блаженнаго Августина и логическія сочиненія Аристотеля. Высшее университетское развитіе заключалось въ діалектическихъ словопреніяхъ о предметахъ вѣры. Знаменитѣйшіе богословы старались выводить ея догматы изъ своихъ логическихъ умозаключеній. Начиная отъ Шотландца Еригена до XVI вѣка, можетъ быть, не было ни одного изъ нихъ, который бы не пытался свое убѣжденіе о бытіи Божіемъ поставить на остріе какого нибудь искусно выточеннаго силлогизма. Ихъ громадные труды были наполнены отвлеченныхъ тонкостей, логически сплетенныхъ изъ голо-разсудочныхъ понятій. — Самыя несущественныя стороны мышленія были для нихъ предметомъ науки, причиною партій, цѣлью жизни.

Не отвлеченные споры Номиналистовъ и Реалистовъ; не странныя пренія о Евхаристіи, о благодати, о рожденіи Пресвятой Дѣвы, и тому подобныхъ предметахъ, могутъ дать настоящее понятіе о духѣ схоластики и о состояніи умовъ того времени; но всего яснѣе выражаетъ ихъ то̀ именно, что̀ въ этихъ спорахъ составляло главный предметъ вниманія и занимало мышленіе ученѣйшихъ философовъ: — т. е. составленіе произвольныхъ вопросовъ о несбыточныхъ предположеніяхъ, и разборъ всѣхъ возможныхъ доводовъ въ пользу и противъ нихъ.

Библиотека "Руниверс"

Такая безконечная, утомительная игра понятій въ продолженіе семи сотъ лѣтъ, — этотъ безполезный, передъ умственнымъ зрѣніемъ безпрестанно вертящійся калейдоскопъ отвлеченныхъ категорій, — должны были неминуемо произвести общую слѣпоту къ тѣмъ живымъ убѣжденіямъ, которыя лежатъ выше сферы разсудка и логики; къ убѣжденіямъ, до которыхъ человѣкъ доходитъ не путемъ силлогизмовъ, но напротивъ, стараясь основать ихъ на силлогическомъ выводѣ, только искажаетъ ихъ правду, когда не уничтожаетъ ее совершенно.

Живое, цѣльное пониманіе внутренней, духовной жизни, и живое, непредупрежденное созерцаніе внѣшней природы равно изгонялись изъ оцѣпленнаго круга западнаго мышленія, первое подъ именемъ «Мистики», — по натурѣ своей ненавистной для схоластической разсудочности (сюда относилась и та сторона ученія Православной Церкви, которая несогласовалась съ западными системами); — второе преслѣдовалось прямо подъ именемъ «безбожія» — (сюда относились тѣ открытія въ наукахъ, которыя разнорѣчили съ современнымъ понятіемъ богослововъ). Ибо схоластика сковала свою вѣру съ своимъ тѣснымъ разумѣніемъ науки въ одну неразрывную судьбу.

Потому, когда со взятіемъ Константинополя, свѣжій, неиспорченный воздухъ Греческой мысли повѣялъ съ Востока на Западъ, и мыслящій человѣкъ на Западѣ вздохнулъ легче и свободнѣе, то все зданіе схоластики мгновенно разрушилось. Однако же слѣды схоластической односторонности остались на умахъ, сю воспитанныхъ. Предметъ мышленія сталъ другой и направленіе иное; но тотъ же перевѣсъ разсудочности и та же слѣпота къ живымъ истинамъ сохранились почти по прежнему.

Библиотека "Руниверс"

Поучительный примѣръ тому представляетъ самъ знаменитый родоначальникъ новѣйшей философіи. Онъ думалъ, что рѣшительно сбросилъ съ себя узы схоластики; однако, не чувствуя того самъ, до того еще оставался запутанъ ими, что, не смотря на все свое геніальное разумѣніе формальныхъ законовъ разума, былъ такъ странно слѣпъ къ живымъ истинамъ, что свое внутреннее, непосредственное сознаніе о собственномъ своемъ бытіи почиталъ еще неубѣдительнымъ, покуда не вывелъ его изъ отвлеченнаго силлогистическаго умозаключенія! И этотъ примѣръ тѣмъ замѣчательнѣе, что не былъ личною особенностію философа, но выразилъ общее направленіе умовъ. Ибо логическій выводъ Декарта не остался его исключительною собственностію, но былъ принятъ съ восторгомъ и сдѣлался основаніемъ мышленія для большей части новѣйшихъ философовъ, почти до половины XVIII вѣка.—Можетъ быть еще и теперь есть глубокомысленные люди, которые утверждаютъ на немъ несомнѣнность своего бытія и успокоиваютъ такимъ образомъ свою образованную потребность твердыхъ убѣжденій. По крайней мѣрѣ, пишущій эти строки еще живо помнитъ ту эпоху въ собственной своей жизни, когда подобный процессъ искусственнаго мышленія сладостно утолялъ для него жажду умственнаго успокоенія.

Я не говорю уже о той особенности Декарта, что— увлеченный строгою необходимостью своихъ умозаключеній — онъ добродушно могъ убѣдиться въ томъ, что всѣ животныя, выключая человѣка, суть только наружныя машины, искусно построенныя Создателемъ, и, не имѣя сознанія, не чувствуютъ ни боли, ни удовольствія.

Не удивительно послѣ того, что его ученикъ и преемникъ въ господствѣ философскаго развитія, знаменитый

Библиотека "Руниверс"

Спиноза, могъ такъ искусно и такъ плотно сковать разумные выводы о первой причинѣ, о высшемъ порядкѣ и устройствѣ всего мірозданія, что сквозь эту сплошную и неразрывную сѣть теоремъ и силлогизмовъ—не могъ во всемъ созданіи разглядѣть слѣдовъ Живаго Создателя, ни въ человѣкѣ замѣтить его внутренней свободы. — Тотъ же избытокъ логической разсудочности скрылъ отъ великаго Лейбница, за умственнымъ сцѣпленіемъ его отвлеченныхъ понятій, очевидное сцѣпленіе причины и дѣйствія, и для объясненія ихъ заставилъ его предположить свою Предустановленную Гармонію, — которая, впрочемъ, поэзіей своей основной мысли, восполняетъ нѣсколько ея односторонность.

Я говорю: поэзія мысли восполняетъ нѣсколько ея односторонность: ибо думаю, что когда къ достоинству логическому присоединяется достоинство изящное, или нравственное, то уже этимъ соединеніемъ силъ самъ разумъ возвращается, болѣе или менѣе, къ своей первобытной полнотѣ и потому приближается къ истинѣ.

Нужно ли продолжать исчисленіе послѣдующихъ представителей Западной философіи, чтобы, припоминая ихъ системы, убѣдиться въ общей односторонности Западнаго направленія? — Нужно ли напоминать, какъ Юмъ — этотъ прямой и неминуемый результатъ другой вѣтви Западнаго любомудрія, послѣдователь Бакона, Локка и однородныхъ съ ними мыслителей,— безпристрастный Юмъ, силою безпристрастнаго разума, доказалъ, что въ мірѣ не существуетъ никакой истины, и правда и ложь подвержены одинакому сомнѣнію?—Какъ знаменитый Кантъ, возбужденный Юмомъ и приготовленый Нѣмецкою школою, изъ самыхъ законовъ чистаго разума вывелъ неоспоримое доказатель-

Библиотека "Руниверс"

ство, что для чистаго разума никакихъ доказательствъ о высшихъ истинахъ не существуетъ?

Отсюда, можетъ быть, оставался одинъ шагъ до правды; — но Западный міръ тогда еще не созрѣлъ для нея.

Изъ системы Канта развилась одна отвлеченная сторона, въ системѣ Фихте, который удивительнымъ построеніемъ силлогизмовъ доказалъ, что весь внѣшній міръ есть только мнимый призракъ воображенія, и что существуетъ въ самомъ дѣлѣ только одно саморазвивающееся *Я*. — Отсюда Шеллингъ развилъ противоположную сторону гипотезы, т. е. что хотя внѣшній міръ дѣйствительно существуетъ, но душа міра есть ничто иное, какъ это человѣческое *Я*, развивающееся въ бытіи вселенной для того только, чтобы сознать себя въ человѣкѣ. — Гегель еще болѣе укрѣпилъ и распространилъ ту же систему саморазвитія человѣческаго самосознанія. Между тѣмъ, углубившись болѣе, чѣмъ кто либо прежде, въ самые законы логическаго мышленія, онъ, силою своей необыкновенной, громадной геніальности, довелъ ихъ до послѣдней полноты и ясности результатовъ, и тѣмъ далъ возможность тому же Шеллингу доказать односторонность всего логическаго мышленія. — Такимъ образомъ Западная философія теперь находится въ томъ положеніи, что ни далѣе идти по своему отвлеченно-раціональному пути она уже не можетъ, ибо сознала односторонность отвлеченной раціональности; ни проложить себѣ новую дорогу не въ состояніи, ибо вся сила ея заключалась въ развитіи именно этой, отвлеченной раціональности (1).

---

(1) См. мои статьи: *О современномъ состояніи просвѣщенія*, въ 1-мъ и 2-мъ №№ Москвит. 1845 года.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ, въ то же время, какъ Римское богословіе развивалось посредствомъ схоластической философіи, писатели Восточной Церкви, не увлекаясь въ односторонность силлогистическихъ построеній, держались постоянно той полноты и цѣльности умозрѣнія, которыя составляютъ отличительный признакъ Христіанскаго любомудрія. Ибо ненадобно забывать, что все современное просвѣщеніе тогда сосредоточивалось въ Византіи. Древніе писатели Христіанскіе и языческіе, и особенно писатели философы, были коротко знакомы образованнымъ Грекамъ, — и очевидные слѣды ихъ основательнаго изученія видны въ большей части духовныхъ твореній, до самой половины XV вѣка, между тѣмъ, какъ Западъ, необразованный и, можно даже сказать, невѣжественный сравнительно съ Византіей, до самаго почти XIV вѣка обращался въ своемъ мышленіи почти единственно въ кругу однихъ Латинскихъ писателей, за исключеніемъ только немногихъ Греческихъ. Только въ половинѣ XIV вѣка основана была первая ученая академія въ Италіи знаменитымъ монахомъ Варлаамомъ, учителемъ Петрарки, — тѣмъ самымъ несчастнымъ предателемъ Православной Церкви, который, заразившись западною увѣренностію въ своей логической разумности, отвергалъ нѣкоторые, непонятные ему, догматы Христіанскаго ученія и былъ за то осужденъ Константинопольскимъ соборомъ и изгнанъ изъ Греціи съ безчестіемъ: но за то — тѣмъ съ большею честію принятъ въ Италіи.

Аристотель, безъ всякого сомнѣнія, былъ лучше и основательнѣе извѣстенъ Грекамъ, чѣмъ Латинянамъ,— хотя, можетъ быть, безъ тѣхъ дополненій, которыми обогатили его Арабскіе и Латинскіе ученые, и которыя, до самаго паденія схоластическаго воспитанія въ Европѣ, составляли необходимое условіе всякого раз-

Библиотека "Руниверс"

витія ума на Западѣ. Однако-же въ Греческихъ мыслителяхъ не только не видимъ мы особаго пристрастія къ Аристотелю, но, напротивъ того, въ большей части изъ нихъ замѣчаемъ явное предпочтеніе Платона; — не потому, конечно, чтобы Христіанскіе мыслители усвоивали себѣ языческія понятія того или другаго; но потому, вѣроятно, что самый способъ мышленія Платона представляетъ болѣе цѣльности въ умственныхъ движеніяхъ, болѣе теплоты и гармоніи въ умозрительной дѣятельности разума. — Отъ того, почти тоже отношеніе, какое мы замѣчаемъ между двумя философами древности, существовало и между философіей Латинскаго міра, какъ она выработывалась въ схоластикѣ, и тою духовною философіей, которую находимъ въ писателяхъ Церкви Восточной, особенно ясно выраженную въ Св. Отцахъ, жившихъ послѣ Римскаго отпаденія.

Достойно замѣчанія, что эта духовная философія Восточныхъ Отцовъ Церкви, писавшихъ послѣ X вѣка, — философія прямо и чисто Христіанская, глубокая, живая, возвышающая разумъ отъ разсудочнаго механизма къ высшему, нравственно свободному умозрѣнію; — философія, которая даже и для невѣрующаго мыслителя могла бы быть поучительною, по удивительному богатству и глубинѣ и тонкости своихъ психологическихъ наблюденій, — не смотря однакоже на всѣ свои достоинства (я говорю здѣсь единственно о достоинствахъ умозрительныхъ, оставляя въ сторонѣ значеніе богословское), — была такъ мало доступна разсудочному направленію Запада, что не только никогда не была оцѣнена Западными мыслителями, но, что еще удивительнѣе, до сихъ поръ осталась имъ почти вовсе неизвѣстною. — Покрайней мѣрѣ ни одинъ философъ, ни одинъ историкъ философіи,

Библиотека "Руниверс"

не упоминаетъ объ ней, — хотя въ каждой исторіи философіи находимъ мы длинные трактаты о философіи Индѣйской, Китайской и Персидской. Самыя творенія Восточныхъ писателей оставались долго неизвѣстными въ Европѣ; многія до сихъ поръ еще остаются незнакомы имъ; другія, хотя извѣстны, но оставлены безъ вниманія, ибо не были поняты; иныя изданы еще весьма недавно, и тоже не оцѣнены.—Нѣкоторые богословскіе писатели Запада, хотя и упоминали о нѣкоторыхъ особенностяхъ писателей Восточныхъ, но такъ мало могли постигать эту особенность, что изъ ихъ словъ часто должно вывести заключеніе, прямо противоположное истинѣ. — Наконецъ ни въ одномъ почти изъ богословскихъ писателей Запада не замѣтно живаго слѣда того вліянія, которое необходимо должны бы были оставить на нихъ писанія Восточной Церкви, если бы они были извѣстны имъ хотя въ половину противъ того, какъ имъ извѣстны были писатели древне-языческіе: — изъ этого должно исключить, можетъ быть, однаго Ѳому Кемпійскаго, — или Герсона, — если только книга, имъ приписываемая, принадлежитъ дѣйствительно имъ и не есть, какъ нѣкоторые полагаютъ, переводъ съ Греческаго, передѣланный нѣсколько по Латинскимъ понятіямъ.

Конечно въ писателяхъ Восточной Церкви, жившихъ послѣ отдѣленія Римской, нельзя искать ничего новаго относительно Христіанскаго ученія; ничего такого, чтобы не находилось въ писателяхъ первыхъ вѣковъ. Но въ томъ-то и заключается ихъ достоинство; — въ томъ то, скажу, и особенность ихъ, что они сохраняли и поддержали во всей чистотѣ и полнотѣ ученіе существенно Христіанское, и — держась постоянно въ самомъ, такъ сказать, средоточіи истиннаго убѣжденія — отсюда могли яснѣе видѣть и законы ума че-

Библиотека "Руниверс"

ловѣческаго, и путь, ведущій его къ истинному знанію, и внѣшніе признаки, и внутреннія пружины его разновидныхъ уклоненій.

Впрочемъ и древніе Отцы Церкви, жившіе еще до отдѣленія Рима и, слѣдовательно, равно признаваемые Востокомъ и Западомъ, не всегда одинаково понимались на Западѣ и на Востокѣ. — Это различіе могло произойти отъ того, что Востоку всегда были вполнѣ извѣстны *всѣ* писатели и учители Вселенской Церкви; Западнымъ же ученымъ были знакомы преимущественно Латинскіе и только нѣкоторые изъ Греческихъ писателей, на которыхъ они тоже смотрѣли сквозь готовыя уже понятія, почерпнутыя ими у Римскихъ учителей. Отъ того и въ новѣйшія времена, когда они уже короче познакомились съ Греческою литературою, то все еще невольно продолжали смотрѣть на нее сквозь тоже ограниченное окно, если не съ цвѣтными, то съ тусклыми стеклами. Этимъ только можно объяснить себѣ, какимъ образомъ они могли такъ долго удержаться въ односторонности своего разсудочнаго направленія, которое, иначе, должно бы было разрушиться отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ древнихъ Отцовъ Церкви. Сохраняя же свою односторонность, они или не замѣчали, или иногда даже вовсе незнали тѣхъ изъ древнихъ писателей, въ которыхъ особенно выражалась сторона, прямо противоположная этой ограниченности, и самодовольно отвергали ее, подъ названіемъ Мистики!

Отсюда, кромѣ различія понятій, на Востокѣ и и Западѣ происходитъ еще различіе и въ самомъ *способѣ* мышленія богословско-философскомъ. Ибо, стремясь къ истинѣ умозрѣнія, Восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутренняго состоянія мыслящаго духа; Западные — болѣе о внѣш-

Библиотека "Руниверс"

ней связи понятій. Восточные, для достиженія полноты истины, ищутъ внутренней цѣльности разума: того, такъ сказать, средоточія умственныхъ силъ, гдѣ всѣ отдѣльныя дѣятельности духа сливаются въ одно живое и высшее единство. Западные, напротивъ того, полагаютъ, что достиженіе полной истины возможно и для раздѣлившихся силъ ума, самодвижно дѣйствующихъ въ своей одинокой отдѣльности. Однимъ чувствомъ понимаютъ они Нравственное; другимъ Изящное; Полезное — опять особымъ смысломъ; Истинное понимаютъ они отвлеченнымъ разсудкомъ, — и ни одна способность не знаетъ, что дѣлаетъ другая, покуда ея дѣйствіе совершится. Каждый путь, какъ предполагаютъ они, ведетъ къ послѣдней цѣли, прежде чѣмъ всѣ пути сойдутся въ одно совокупное движеніе. — Безчувственный холодъ разсужденія и крайнее увлеченіе сердечныхъ движеній — почитаютъ они равно законными состояніями человѣка; и когда въ XIV вѣкѣ узнали ученые Запада о стремленіи Восточныхъ созерцателей: сохранять безмятежность внутренней цѣльности духа, — то издѣвались надъ этою мыслію, изобрѣтая для нее всякого рода насмѣшливыя прозванія. Правда, они употребляютъ иногда тѣже выраженія, какія и Восточные, говоря о « внутреннемъ сосредоточеніи духа », о « собраніи ума въ себѣ, » и тому подобное; но подъ этими словами обыкновенно разумѣютъ они другое: не сосредоточеніе, не собраніе, не цѣльность внутреннихъ силъ, а только ихъ крайнее напряженіе. — Вообще можно сказать, что центръ духовнаго бытія ими не ищется. Западный человѣкъ не понимаетъ той живой совокупности высшихъ умственныхъ силъ, гдѣ ни одна не движется безъ сочувствія другихъ; то равновѣсіе внутренней жизни, которое отличаетъ даже самыя наружныя дви-

Библиотека "Руниверс"

женія человѣка, воспитаннаго въ обычныхъ преданіяхъ Православнаго міра: ибо есть въ его движеніяхъ, — даже въ самые крутые переломы жизни , — что-то глубоко спокойное, какая-то неискусственная мѣрность, достоинство и вмѣстѣ смиреніе , свидѣтельствующія о равновѣсіи духа, о глубинѣ и цѣльности обычнаго самосознанія. Европеецъ, напротивъ того , всегда готовый къ крайнимъ порывамъ, всегда суетливый, — когда не театральный, — всегда безпокойный въ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ движеніяхъ, только преднамѣреннымъ усиліемъ можетъ придать имъ искусственную соразмѣрность.

Ученія Св. Отцовъ Православной Церкви перешли въ Россію, можно сказать, вмѣстѣ съ первымъ благовѣстомъ Христіанскаго колокола. Подъ ихъ руководствомъ сложился и воспитался коренной Русскій умъ, лежащій въ основѣ Русскаго быта.

Обширная Русская земля , даже во времена раздѣленія своего на мелкія княжества , всегда сознавала себя какъ одно живое тѣло, и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣжденій, происходящихъ изъ единства вѣрованія въ церковныя постановленія. Ибо ея необозримое пространство было все покрыто, какъ бы одною непрерывною сѣтью, неисчислимымъ множествомъ уединенныхъ монастырей, связанныхъ между собою сочувственными нитями духовнаго общенія. Изъ нихъ единообразно и единосмысленно разливался свѣтъ сознанія и науки во всѣ отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и всѣ его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, переходя черезъ ихъ образовательное вліяніе , опять отъ нихъ возвращались въ общественное сознаніе, принявъ одно, общее направле-

Библиотека "Руниверс"

ніе. Безразлично составляясь изо всѣхъ классовъ народа, изъ высшихъ и низшихъ ступеней общества, духовенство въ свою очередь во всѣ классы и ступени распространяло свою высшую образованность, почерпная ее прямо изъ первыхъ источниковъ, изъ самаго центра современнаго просвѣщенія, который тогда находился въ Цареградѣ, Сиріи и на Святой Горѣ. И образованность эта такъ скоро возросла въ Россіи, и до такой степени, что и теперь даже она кажется намъ изумительною, когда мы вспомнимъ, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей XII и XIII вѣка уже имѣли такія библіотеки, съ которыми многочисленностію томовъ едва могла равняться, первая тогда на Западѣ, библіотека Парижская (1); что многіе изъ нихъ говорили на Греческомъ и Латинскомъ языкѣ также свободно, какъ на Русскомъ, а нѣкоторые знали притомъ и другіе языки Европейскіе (2); что въ нѣкоторыхъ, уцѣлѣвшихъ до насъ, писаніяхъ XV вѣка (3) мы находимъ выписки изъ Русскихъ переводовъ такихъ твореній Греческихъ, которыя не только не были извѣстны Европѣ, но даже въ самой Греціи утратились послѣ ея упадка и, только въ недавнее время и уже съ великимъ трудомъ, могли быть отрыты въ неразобранныхъ сокровищницахъ Аѳона; что въ уединенной тишинѣ монашескихъ келлій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и переписывались, и до сихъ

---

(1) См. Шлецера прим. на Нестора томъ 1.

(2) См. Истор. Русск. Словесности. Проф. Шевырева. Выпускъ второй. — Эта книга, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, вышедшихъ у насъ въ послѣднее время, должна, по вѣроятности, произвести рѣшительный переворотъ въ общемъ пониманіи нашей древней образованности.

(3) См. Писанія Нила Сорскаго.

Библиотека "Руниверс"

поръ еще уцѣлѣли въ старинныхъ рукописяхъ, словенскіе переводы тѣхъ Отцовъ Церкви, которыхъ глубокомысленныя писанія, исполненныя высшихъ богословскихъ и философскихъ умозрѣній, даже въ настоящее время едва ли каждому Нѣмецкому профессору любомудрія придутся по силамъ мудрости — (хотя, можетъ быть, ни одинъ не сознается въ этомъ): — наконецъ, когда мы вспомнимъ, что эта Русская образованность была такъ распространена, такъ крѣпка, такъ развита и потому пустила такіе глубокіе корни въ жизнь Русскую, что, не смотря на то, что уже полтораста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ монастыри наши перестали быть центромъ просвѣщенія; несмотря на то, что вся мыслящая часть народа, своимъ воспитаніемъ и своими понятіями, значительно уклонилась, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ отдѣлилась отъ прежняго Русскаго быта, изгладивъ даже и память объ немъ изъ сердца своего: — этотъ Русскій бытъ, созданный по понятіямъ прежней образованности и проникнутый ими, еще уцѣлѣлъ почти неизмѣненно въ низшихъ классахъ народа: онъ уцѣлѣлъ, — хотя живетъ въ нихъ уже почти безсознательно, уже въ одномъ обычномъ преданіи, уже несвязанный господствомъ образующей мысли....

Какая же сила должна была существовать для того, чтобы произвести такое прочное дѣйствіе? — И эта твердость быта, слѣдствіе прежней образованности, замѣчается въ томъ самомъ народѣ, который такъ легко могъ измѣнить свою образованность языческую, когда принялъ Христіанское ученіе.

Потому этотъ Русскій бытъ и эта прежняя, въ немъ отзывающаяся, жизнь Россіи — драгоцѣнны для насъ особенно по тѣмъ слѣдамъ, которые оставили на нихъ чистыя Христіанскія начала, дѣйствовавшія безпрепят-

Библиотека "Руниверс"

ственно на добровольно покорившіяся имъ племена Словенскія. И не природныя какія нибудь преимущества Словенскаго племени заставляютъ насъ надѣяться на будущее его процвѣтаніе: нѣтъ! племенныя особенности, какъ земля, на которую падаетъ умственное сѣмя, могутъ только ускорить или замедлить его первое развитіе; онѣ могутъ сообщить ему здоровую или тощую пищу; могутъ, наконецъ, ему дать свободный ходъ на Божьемъ свѣтѣ или заглушить его чужими растеніями: но самое свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени.

Какое бы ни было наше мнѣніе о пришествіи Варяговъ: добровольно ли вся Русская земля призвала ихъ, или одна партія накликала на другую; но ни въ какомъ случаѣ это пришествіе не было нашествіемъ чужаго племени; ни въ какомъ случаѣ также оно не могло быть завоеваніемъ, ибо, если черезъ полтораста лѣтъ такъ легко можно было выслать ихъ изъ Россіи, или, покрайней мѣрѣ, значительную ихъ часть, то какъ же могли бы они такъ легко завоевать ее прежде? Какъ могли бы такъ безмятежно держаться въ ней противъ ея воли? (1) При нихъ спокойно и естественно совершалось образованіе ея общественныхъ и государственныхъ отношеній, безъ всякихъ насильственныхъ нововведеній, единственно въ слѣдствіе внутренняго устройства ея нравственныхъ понятій. Со введеніемъ же Христіанства нравственныя понятія Русскаго человѣка измѣнились; а вмѣстѣ съ ними и его

---

(1) См. Москвит. 1845 г. № 3-й: *О древней Русской Исторіи*, статью моего брата Петра Вас. Кирѣевскаго, котораго взглядъ на прежнюю Россію представляетъ, по моему мнѣнію, самую ясную картину ея первобытнаго устройства.

Библиотека "Руниверс"

общежительныя отношенія, и потому все общественное устройство Русской земли должно было въ своемъ развитіи принять также направленіе Христіанское.

Лучшимъ выраженіемъ той готовности, съ какою Русскій человѣкъ стремился съ самаго начала осуществить въ своей жизни всю полноту принятаго имъ новаго убѣжденія, можетъ служить первое, еще необдуманное (— такъ прекрасно необдуманное!) желаніе Св. Владиміра: прощать всѣмъ преступникамъ. Сама Церковь первая остановила его отъ исполненія этого желанія, положивъ, такимъ образомъ, различіе между обязанностями лично-духовными и свѣтски-правительственными. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлила она, съ начала навсегда, твердыя границы между собою и государствомъ, между безусловною чистотою своихъ высшихъ началъ и житейскою смѣшанностію общественнаго устройства: всегда оставаясь внѣ государства и его мірскихъ отношеній, высоко надъ ними, какъ недосягаемый, свѣтлый идеалъ, къ которому они должны стремиться, и который самъ не смѣшивался съ ихъ земными пружинами. Управляя личнымъ убѣжденіемъ людей, Церковь Православная никогда не имѣла притязанія насильственно управлять ихъ волею, или пріобрѣтать себѣ власть свѣтски-правительственную, или, еще менѣе, искать формальнаго господства надъ правительственною властію. Государство, правда, стояло Церковью: оно было тѣмъ крѣпче въ своихъ основахъ, тѣмъ связнѣе въ своемъ устройствѣ, тѣмъ цѣльнѣе въ своей внутренней жизни, чѣмъ болѣе проникалось ею. Но Церковь никогда не стремилась быть государствомъ, какъ и государство, въ свою очередь, смиренно сознавая свое мірское назначеніе, никогда не называло себя «святымъ». Ибо, если Русскую землю иногда называли: «святая Русь,» то это едини-

Библиотека "Руниверс"

ственно съ мыслію о тѣхъ святыняхъ мощей и монастырей и храмовъ Божіихъ, которыя въ ней находились; а не потому, чтобы ея устройство представляло сопроницаніе церковности и свѣтскости, какъ устройство « Святой Римской Имперіи ».

Управляя такимъ образомъ общественнымъ составомъ, какъ духъ управляетъ составомъ тѣлеснымъ, Церковь не облекала характеромъ церковности мірскихъ устройствъ, подобныхъ рыцарско-монашескимъ орденамъ, инквизиціоннымъ судилищамъ и другимъ свѣтско-духовнымъ постановленіямъ Запада; но, проникая всѣ умственныя и нравственныя убѣжденія людей, она невидимо вела государство къ осуществленію высшихъ Христіанскихъ началъ, никогда не мѣшая его естественному развитію. И духовное вліяніе Церкви на это естественное развитіе общественности могло быть тѣмъ полнѣе и чище, что никакое историческое препятствіе не мѣшало внутреннимъ убѣжденіямъ людей выражаться въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Неискаженная завоеваніемъ, Русская земля въ своемъ внутреннемъ устройствѣ не стѣснялась тѣми насильственными формами, какія должны возникать изъ борьбы двухъ ненавистныхъ другъ другу племенъ, принужденныхъ, въ постоянной враждѣ, устроивать свою совмѣстную жизнь. Въ ней не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ. Она не знала ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословій, ни стѣснительныхъ для одного преимуществъ другаго; ни истекающей оттуда политической и нравственной борьбы; ни сословнаго презрѣнія, ни сословной ненависти, ни сословной зависти. Она не знала, слѣдственно, и необходимаго порожденія этой борьбы: искусственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, совершающагося

Библиотека "Руниверс"

насильственными измѣненіями законовъ и бурными переломами постановленій. И князья, и бояре, и духовенство, и народъ, и дружины княжескія и дружины боярскія, и дружины городскія и дружина земская, всѣ классы и виды населенія, были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинакою потребностію общаго блага. Могло быть разномысліе въ какомъ нибудь частномъ обстоятельствѣ; но въ вопросахъ существенныхъ—слѣдовъ разномыслія почти не встрѣчается.

Такимъ образомъ Русское общество выросло самобытно и естественно, подъ вліяніемъ одного внутренняго убѣжденія, Церковью и бытовымъ преданіемъ воспитаннаго. Однакоже — или лучше сказать: *потому* именно, въ немъ не было и мечтательнаго равенства, какъ не было и стѣснительныхъ преимуществъ. Оно представляетъ не плоскость, а лѣстницу, на которой было множество ступеней; но эти ступени не были вѣчно неподвижными, ибо устанавливались естественно, какъ необходимые сосуды общественнаго организма: а не насильственно, случайностями войны, и не преднамѣренно, по категоріямъ разума.—

Если бы кто захотѣлъ вообразить себѣ Западное общество феодальныхъ временъ, то не иначе могъ бы сложить объ немъ картину, какъ представивъ себѣ множество зàмковъ, укрѣпленныхъ стѣнами, внутри которыхъ живетъ благородный рыцарь съ своею семьею, вокругъ которыхъ поселена — подлая чернь. Рыцарь былъ лицо; чернь — часть его зàмка. Воинственныя отношенія этихъ личныхъ зàмковъ между собою и ихъ отношенія къ вольнымъ городамъ, къ королю и къ Церкви, — составляютъ всю исторію Запада.

Напротивъ того, воображая себѣ Русское общество древнихъ временъ, не видишь ни зàмковъ, ни окру-

Библиотека "Руниверс"

жающей ихъ подлой черни; ни благородныхъ рыцарей, ни борющагося съ ними короля. Видишь безчисленное множество маленькихъ общинъ, по всему лицу земли Русской разселенныхъ и имѣющихъ, каждая на извѣстныхъ правахъ, своего распорядителя, и составляющихъ, каждая, свое особое согласіе, или свой маленькій міръ: эти маленькіе міры или согласія сливаются въ другія, бо̀льшія согласія, которыя, въ свою очередь, составляютъ согласія областныя и, наконецъ, племенныя, изъ которыхъ уже слагается одно общее, огромное согласіе всей Русской земли, имѣющее надъ собою Великаго Князя всея Руси, на которомъ утверждается вся кровля общественнаго зданія, опираются всѣ связи его верховнаго устройства.

Въ слѣдствіе такихъ естественныхъ, простыхъ и единодушныхъ отношеній, и законы, выражающіе эти отношенія, не могли имѣть характеръ искусственной формальности; но, выходя изъ двухъ источниковъ: изъ бытоваго преданія и изъ внутренняго убѣжденія, они должны были, въ своемъ духѣ, въ своемъ составѣ и въ своихъ примѣненіяхъ, носить характеръ болѣе внутренней, чѣмъ внѣшней правды: предпочитая очевидность существенной справедливости — буквальному смыслу формы; святость преданія — логическому выводу; правственность требованія — внѣшней пользѣ. Я говорю, разумѣется, не о томъ или другомъ законѣ отдѣльно; но о всей, такъ сказать, наклонности (тенденціи) древне-Русскаго права. — Внутренняя справедливость брала въ немъ перевѣсъ надъ внѣшнею формальностію.

Между тѣмъ какъ Римско-Западная юриспруденція отвлеченно выводитъ логическія заключенія изъ каждаго законнаго условія, говоря: *форма — это самый законъ,* — и старается всѣ формы связать въ одну разум-

Библиотека "Руниверс"

пую систему, гдѣ бы каждая часть, по отвлеченно-умственной необходимости, правильно развивалась изъ цѣлаго, и все вмѣстѣ составляло, не только разумное дѣло, но *самый написанный разумъ*; право обычное, напротивъ того, какъ оно было въ Россіи, выростая изъ жизни, совершенно чуждалось развитія отвлеченно-логическаго. Законъ въ Россіи не изобрѣтался предварительно какими-нибудь учеными юрисконсультами; не обсуживался глубокомысленно и краснорѣчиво въ какомъ-нибудь законодательномъ собраніи, и не падалъ потомъ, какъ снѣгъ на голову, посреди всей удивленной толпы гражданъ, ломая у нихъ какой-нибудь уже заведенный порядокъ отношеній..... Логическое движеніе законовъ можетъ существовать только тамъ, гдѣ самая общественность основана на искусственныхъ условіяхъ; гдѣ, слѣдовательно, развитіемъ общественнаго устройства можетъ и должно управлять *мнѣніе* всѣхъ или нѣкоторыхъ.—Но тамъ, гдѣ общественность основана на коренномъ единомысліи, тамъ твердость нравовъ, святость преданія и крѣпость обычныхъ отношеній не могутъ нарушаться, не разрушая самыхъ существенныхъ условій жизни общества. Тамъ каждая насильственная перемѣна по логическому выводу—была бы разрѣзомъ ножа въ самомъ сердцѣ общественнаго организма. Ибо общественность тамъ стоитъ *на убѣжденіяхъ*, и потому всякія *мнѣнія*, даже всеобщія, управляя ея развитіемъ, были бы для нея смертоносны.

Мнѣніе, убѣжденіе: — двѣ совершенно особыя пружины двухъ, совершенно различныхъ, общественныхъ устройствъ. — Мнѣніе не тѣмъ только отличается отъ убѣжденія, что первое минутнѣе, второе тверже; первое — выводъ изъ логическихъ соображеній; второе — итогъ всей жизни; но въ политическомъ смыслѣ они

Библиотека "Руниверс"

имѣютъ еще другое несходство: убѣжденіе есть невыисканное сознаніе всей совокупности общественныхъ отношеній; мнѣніе есть преувеличенное сочувствіе только той сторонѣ общественныхъ интересовъ которая совпадаетъ съ интересами одной партіи, и потому прикрываетъ ея своекорыстную исключительность обманчивымъ призракомъ общей пользы.

Отъ того въ обществѣ искусственномъ, основанномъ на формальномъ сочетаніи интересовъ, каждое улучшеніе совершается въ слѣдствіе какого-нибудь преднамѣреннаго плана; новое отношеніе вводится потому, что нынѣшнее мнѣніе беретъ верхъ надъ вчерашнимъ порядкомъ вещей; каждое постановленіе насильственно измѣняетъ прежнее; развитіе совершается, какъ мы уже замѣтили, по закону переворотовъ — съ верху въ низъ, или съ низу въ верхъ, смотря потому, гдѣ торжествующая партія сосредоточила свои силы, и куда торжествующее мнѣніе ихъ направило. — Напротивъ того, въ обществѣ, устроившемся естественно изъ самобытнаго развитія своихъ коренныхъ началъ, каждый переломъ есть болѣзнь, болѣе или менѣе опасная; законъ переворотовъ, вмѣсто того, чтобы быть условіемъ жизненныхъ улучшеній, есть для него условіе распаденія и смерти: ибо его развитіе можетъ совершаться только гармонически и непримѣтно, по закону естественнаго возрастанія въ односмысленномъ пребываніи.

Одно изъ самыхъ существенныхъ отличій правомѣрнаго устройства Россіи и Запада—составляютъ коренныя понятія о правѣ поземельной собственности. Римскіе гражданскіе законы, можно сказать, суть всѣ ничто иное, какъ развитіе безусловности этого права. Западно-Европейскія общественныя устройства также произошли изъ разновидныхъ сочетаній этихъ самобытныхъ правъ, въ основаніи своемъ неограничен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ и—только въ отношеніяхъ общественныхъ—принимающихъ нѣкоторыя взаимно-условныя ограниченія. Можно сказать: все зданіе Западной общественности стоитъ на развитіи этого личнаго права собственности, такъ, что и самая личность, въ юридической основѣ своей, есть только выраженіе этого права собственности.

Въ устройствѣ Русской общественности, личность есть первое основаніе, а право собственности только ея *случайное* отношеніе. Общинѣ земля принадлежитъ потому, что община состоитъ изъ семей, состоящихъ изъ лицъ, могущихъ землю воздѣлывать. Съ увеличеніемъ числа лицъ, увеличивается и количество земли, принадлежащее семьѣ: съ уменьшеніемъ — уменьшается. Право общины надъ землею ограничивается правомъ помѣщика, или вотчинника; право помѣщика условливается его отношеніемъ къ государству. Отношенія помѣщика къ государству зависятъ не отъ помѣстья его, но его помѣстье зависитъ отъ его личныхъ отношеній. Эти личныя отношенія опредѣляются столько же личными отношеніями его отца, сколько и собственными, теряются неспособностью поддерживать ихъ, или возрастаютъ рѣшительнымъ перевѣсомъ достоинствъ надъ другими, совмѣстными личностями. Однимъ словомъ: безусловность поземельной собственности могла являться въ Россіи только какъ исключеніе. Общество слагалось не изъ частныхъ собственностей, къ которымъ приписывались лица; но изъ лицъ, которымъ приписывалась собственность.

Запутанность, которая въ послѣдствіи могла произойти, отъ этихъ отношеній въ высшихъ слояхъ общества, при уничтоженіи мелкихъ княжествъ и сліяніи ихъ въ одно правительственное устройство, — была случайная и имѣла основаніе свое, какъ кажется, въ причинахъ постороннихъ, являясь не какъ необходи-

4*

Библиотека "Руниверс"

мое развитіе, но уже какъ нѣкоторое уклоненіе отъ правильнаго развитія основнаго духа всей Русской государственности. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, это особенное, совершенно отличное отъ Запада, положеніе, въ которомъ человѣкъ понималъ себя относительно поземельной собственности, должно было находиться въ связи со всею совокупностью его общественныхъ и общежительныхъ и нравственныхъ отношеній.

Потому общежительныя отношенія Русскихъ были также отличны отъ Западныхъ. Я не говорю о различіи нѣкоторыхъ частныхъ формъ, которыя можно почитать несущественными случайностями народной особенности. Но самый характеръ народныхъ обычаевъ, самый смыслъ общественныхъ отношеній и частныхъ правовъ былъ совсѣмъ иной. Западный человѣкъ раздробляетъ свою жизнь на отдѣльныя стремленія и, хотя связываетъ ихъ разсудкомъ въ одинъ общій планъ,—однакоже, въ каждую минуту жизни, является какъ иной человѣкъ. Въ одномъ углу его сердца живетъ чувство религіозное, которое онъ употребляетъ при упражненіяхъ благочестія; въ другомъ, отдѣльно, силы разума и усилія житейскихъ занятій; въ третьемъ—стремленія къ чувственнымъ утѣхамъ; въ четвертомъ—нравственно-семейное чувство; въ пятомъ—стремленіе къ личной корысти; въ шестомъ—стремленіе къ наслажденіямъ изящно-искусственнымъ; и каждое изъ частныхъ стремленій подраздѣляется еще на разные виды, сопровождаемые особыми состояніями души, которыя всѣ являются разрозненно одно отъ другаго и связываются только отвлеченнымъ разсудочнымъ воспоминаніемъ. Западный человѣкъ легко могъ по утру молиться съ горячимъ, напряженнымъ, изумительнымъ усердіемъ, потомъ отдохнуть отъ усердія, забывъ молитву и упражняя другія силы въ работѣ;

Библиотека "Руниверс"

потомъ отдохнуть отъ работы, не только физически, но и нравственно, забывая ея сухія занятія за смѣхомъ и звономъ застольныхъ пѣсенъ; потомъ забыть весь день и всю жизнь въ мечтательномъ наслажденіи искусственнаго зрѣлища. На другой день ему легко было опять снова начать оборачивать то же колесо своей наружно правильной жизни.

Не такъ человѣкъ Русской. Моляся въ Церкви, онъ не кричитъ отъ восторга, не бьетъ себя въ грудь, не падаетъ безъ чувствъ отъ умиленія; напротивъ: во время подвига молитвеннаго онъ особенно старается сохранить трезвый умъ и цѣльность духа. Когда же, не односторонняя напряженность чувствительности, но самая полнота молитвеннаго самосознанія проникнетъ его душу, и умиленіе коснется его сердца, то слезы его льются незамѣтно, и никакое страстное движеніе не смущаетъ глубокой тишины его внутренняго состоянія. — За то онъ не поетъ и застольныхъ пѣсенъ. Его обѣдъ совершается съ молитвою. Съ молитвою начинаетъ и оканчиваетъ онъ каждое дѣло. Съ молитвою входитъ въ домъ и выходитъ. Послѣдній крестьянинъ, являясь во дворецъ передъ лицо Великаго Князя (за честь котораго онъ, можетъ быть, вчера еще отваживалъ свою жизнь въ какомъ-нибудь случайномъ спорѣ съ Ляхами), не кланяется хозяину прежде, чѣмъ преклонится передъ изображеніемъ Святыни, которое всегда очевидно стояло въ почетномъ углу каждой избы, большей и малой. — Такъ Русской человѣкъ каждое важное и не важное дѣло свое—всегда связывалъ непосредственно съ высшимъ понятіемъ ума и съ глубочайшимъ средоточіемъ сердца.

Однакоже надобно признаться, что это постоянное стремленіе къ совокупной цѣльности всѣхъ нравственныхъ силъ—могло имѣть и свою опасную сторону.

Библиотека "Руниверс"

Ибо только въ томъ обществѣ, гдѣ всѣ классы равно проникнуты однимъ духомъ; гдѣ повсемѣстно уважаемые и многочисленные монастыри, — эти народныя школы и высшіе университеты религіознаго государства, — вполнѣ владѣютъ надъ умами; гдѣ слѣдовательно люди, созрѣвшіе въ духовной мудрости, могутъ постоянно руководствовать другихъ, еще не дозрѣвшихъ: тамъ подобное расположеніе человѣка должно вести его къ высшему совершенству. Но когда, еще не достигнувъ до самобытной зрѣлости внутренней жизни, онъ будетъ лишенъ руководительныхъ заботъ высшаго ума, то жизнь его можетъ представить неправильное сочетаніе излишнихъ напряженій съ излишними изнеможеніями. Отъ того видимъ мы иногда, что Русской человѣкъ, сосредоточивая всѣ свои силы въ работѣ, въ три дня можетъ сдѣлать больше, чѣмъ осторожный Нѣмецъ не сдѣлаетъ въ тридцать; но за то, потомъ, уже долго не можетъ онъ добровольно приняться за дѣло свое. Вотъ почему, при такомъ недозрѣломъ состояніи и при лишеніи единодушнаго руководителя, часто для Русскаго человѣка самый ограниченный умъ Нѣмца, размѣряя по часамъ и табличкѣ мѣру и степень его трудовъ, можетъ лучше, чѣмъ онъ самъ, управлять порядкомъ его занятій.

Но въ древней Россіи эта внутренняя цѣльность самосознанія, къ которой самые обычаи направляли Русскаго человѣка, отражалась и на формахъ его жизни семейной, гдѣ законъ постояннаго ежеминутнаго самоотверженія былъ не геройскимъ исключеніемъ, но дѣломъ общей и обыкновенной обязанности. До сихъ поръ еще сохраняется этотъ характеръ семейной цѣльности въ нашемъ крестьянскомъ быту. Ибо, если мы захотимъ вникнуть во внутреннюю жизнь нашей избы, то замѣтимъ въ ней то обстоятельство, что каждый членъ

Библиотека "Руниверс"

семьи, при всѣхъ своихъ безпрестанныхъ трудахъ и постоянной заботѣ объ успѣшномъ ходѣ всего хозяйства, никогда въ своихъ усиліяхъ не имѣетъ въ виду своей личной корысти. Мысль о собственной выгодѣ совершенно отсѣкъ онъ отъ самаго корня своихъ побужденій. Цѣльность семьи есть одна общая цѣль и пружина. Весь избытокъ хозяйства идетъ безотчетно одному главѣ семейства; всѣ частныя заработки сполна и совѣстливо отдаются ему. И притомъ образъ жизни всей семьи обыкновенно мало улучшается отъ излишнихъ избытковъ главы семейства; но частные члены не входятъ въ ихъ употребленіе и не ищутъ даже узнать величину ихъ: они продолжаютъ свой вѣчный трудъ и заботы съ одинакимъ самозабвеніемъ, какъ обязанность совѣсти, какъ опору семейнаго согласія. — Въ прежнія времена это было еще разительнѣе: ибо семьи были крупнѣе и составлялись не изъ однихъ дѣтей и внуковъ, но сохраняли свою цѣльность, при значительномъ размноженіи рода. — Между тѣмъ и теперь еще можемъ мы ежедневно видѣть, какъ легко, при важныхъ несчастіяхъ жизни, какъ охотно, скажу даже, какъ радостно одинъ членъ семейства всегда готовъ добровольно пожертвовать собою за другаго, когда видитъ въ своей жертвѣ общую пользу своей семьи.

На Западѣ ослабленіе семейныхъ связей было слѣдствіемъ общаго направленія образованости: отъ высшихъ классовъ народа перешло оно къ низшимъ, прямымъ вліяніемъ первыхъ на послѣдніе и неудержимымъ стремленіемъ послѣднихъ: перенимать нравы класса господствующаго. — Эта страстная подражательность тѣмъ естественнѣе, чѣмъ однороднѣе умственная образованность различныхъ классовъ, и тѣмъ быстрѣе приноситъ плоды, чѣмъ искусственнѣе характеръ самой

Библиотека "Руниверс"

образованности и чѣмъ болѣе она подчиняется личнымъ мнѣніямъ.

Въ высшихъ слояхъ Европейскаго общества, семейная жизнь, говоря вообще, весьма скоро стала, даже для женщинъ, дѣломъ почти постороннимъ. Отъ самаго рожденія дѣти знатныхъ родовъ воспитывались за глазами матери. Особенно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ мода воспитывать дочерей внѣ семьи, въ отдѣленныхъ отъ нея непроницаемыми стѣнами монастыряхъ, сдѣлалась общимъ обычаемъ высшаго сословія, тамъ мать семейства вовсе почти лишена была семейнаго смысла. Переступая черезъ порогъ монастыря только для того, чтобы идти подъ вѣнецъ, она тѣмъ же шагомъ вступала въ заколдованный кругъ свѣтскихъ обязанностей, прежде, чѣмъ узнала обязанности семейныя. Потому чувствительность къ отношеніямъ общественнымъ брала въ ней верхъ надъ отношеніями домашними. Самолюбивыя и шумныя удовольствія гостиной—замѣняли ей тревоги и радости тихой дѣтской. Салонная любезность и умѣнье жить въ свѣтѣ, съ избыткомъ развиваясь на счетъ другихъ добродѣтелей, сдѣлались самою существенною частію женскаго достоинства. Скоро для обоихъ половъ блестящая гостиная обратилась въ главный источникъ удовольствій и счастія, въ источникъ ума и образованности, въ источникъ силы общественной, въ господствующую и всепоглощающую цѣль ихъ искусственной жизни.—Оттуда, — особенно въ государствахъ, гдѣ воспитаніе женщинъ высшаго круга совершалось внѣ семьи,—произошло великолѣпное, обворожительное развитіе общежительныхъ утонченностей; вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ и нравственное гніеніе высшаго класса, и въ немъ первый зародышъ, знаменитаго въ послѣдствіи, ученія о всесторонней эманципаціи женщины.

Въ Россіи, между тѣмъ, формы общежитія, выражая

Библиотека "Руниверс"

общую цѣльность быта, никогда не принимали отдѣльнаго, самостоятельнаго развитія, оторваннаго отъ жизни всего народа, и потому не могли заглушить въ человѣкѣ его семейнаго смысла, ни повредить цѣльности его нравственнаго возрастанія. — Рѣзкая особенность Русскаго характера въ этомъ отношеніи заключалась въ томъ, что никакая личность, въ общежительныхъ сношеніяхъ своихъ, никогда не искала выставить свою самородную особенность какъ какое-то достоинство; но все честолюбіе частныхъ лицъ ограничивалось стремленіемъ: быть правильнымъ выраженіемъ основнаго духа общества. Потому, — какъ гостиная не правительствуетъ въ государствѣ, котораго всѣ части проникнуты сочувствіемъ со всею цѣльностію жизни общественной; — какъ личное мнѣніе не господствуетъ въ обществѣ, которое незыблемо стоитъ на убѣжденіи: такъ и прихоть моды не властвуетъ въ немъ, вытѣсняясь твердостію общаго быта.

При такомъ устройствѣ нравовъ, простота жизни и простота нуждъ была не слѣдствіемъ недостатка средствъ, и не слѣдствіемъ неразвитія образованности, но требовалась самымъ характеромъ основнаго просвѣщенія. На Западѣ роскошь была не противорѣчіе, но законное слѣдствіе раздробленныхъ стремленій общества и человѣка; она была, можно сказать, въ самой натурѣ искусственной образованности; ее могли порицать духовные, въ противность обычнымъ понятіямъ, но въ общемъ мнѣніи она была почти добродѣтелью. Ей не уступали, какъ слабости: но напротивъ гордились ею, какъ завиднымъ преимуществомъ. Въ средніе вѣка народъ съ уваженіемъ смотрѣлъ на наружный блескъ, окружающій человѣка, и свое понятіе объ этомъ наружномъ блескѣ — благоговѣйно сливалъ въ одно чувство съ понятіемъ о самомъ достоинствѣ человѣка. Русской

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ, больше золотой парчи придворнаго, уважалъ лохмотья юродиваго. Роскошь проникала въ Россію: но какъ зараза отъ сосѣдей. Въ ней извинялись; ей поддавались, какъ пороку, всегда чувствуя ея незаконность, не только религіозную, но и нравственную и общественную.

Западный человѣкъ искалъ развитіемъ внѣшнихъ средствъ облегчить тяжесть внутреннихъ недостатковъ. Русской человѣкъ стремился внутреннимъ возвышеніемъ надъ внѣшними потребностями избѣгнутъ тяжести внѣшнихъ нуждъ. Еслибы наука о политической экономіи существовала тогда, то, безъ всякого сомнѣнія, она не была бы понятна Русскому. Онъ не могъ бы согласить съ цѣльностію своего воззрѣнія на жизнь — особой науки о богатствѣ. Онъ не могъ бы понять, какъ можно съ намѣреніемъ раздражать чувствительность людей къ внѣшнимъ потребностямъ, только для того, чтобы умножить ихъ усилія къ вещественной производительности. Онъ зналъ, что развитіе богатства есть одно изъ второстепенныхъ условій жизни общественной и должно потому находиться не только въ тѣсной связи съ другими высшими условіями, но и въ совершенной имъ подчиненности.

Впрочемъ, если роскошь жизни еще могла, какъ зараза, проникнуть въ Россію, то искусственный комфортъ съ своею художественною изнѣженностію, равно какъ и всякая умышленная искусственность жизни, всякая разслабленная мечтательность ума, никогда не получили бы въ ней право гражданства, — какъ прямое и ясное противорѣчіе ея господствующему духу.

По той-же причинѣ, если-бы и изящныя искусства имѣли время развиться въ древней Россіи, то конечно приняли-бы въ ней другой характеръ, чѣмъ на Запа-

Библиотека "Руниверс"

дѣ. — Тамъ развивались они сочувственно съ общимъ движеніемъ мысли, и потому та же раздробленность духа,—которая въ умозрѣніи произвела логическую отвлеченность,—въ изящныхъ искусствахъ породила мечтательность и разрозненность сердечныхъ стремленій. Оттуда языческое поклоненіе отвлеченной красотѣ. Вмѣсто того, чтобы смыслъ красоты и правды хранить въ той неразрывной связи, — которая, конечно, можетъ мѣшать быстротѣ ихъ отдѣльнаго развитія, но которая бережетъ общую цѣльность человѣческаго духа и сохраняетъ истину его проявленій: Западный міръ, напротивъ того, основалъ красоту свою на обманѣ воображенія, на завѣдомо ложной мечтѣ, или на крайнемъ напряженіи односторонняго чувства, рождающагося изъ умышленнаго раздвоенія ума. Ибо Западный міръ не сознавалъ, что мечтательность есть сердечная ложь, и что внутренняя цѣльность бытія необходима не только для истины разума, но и для полноты изящнаго наслажденія.

Это направленіе изящныхъ искусствъ шло не мимо жизни всего Западнаго міра. Изнутри всей совокупности человѣческихъ отношеній рождается свободное искусство и, явившись на свѣтъ, снова входитъ въ самую глубину человѣческаго духа, укрѣпляя его или разслабляя, собирая его силы или расточая ихъ. Отъ того, я думаю, ложное направленіе изящныхъ искусствъ еще глубже исказило характеръ просвѣщенія Европейскаго, чѣмъ само направленіе философіи, которая тогда только бываетъ пружиною развитія, когда сама результатъ его. Но добровольное, постоянное и, такъ сказать, одушевленное стремленіе къ умышленному раздвоенію внутренняго самознанія—разщепляетъ самый корень душевныхъ силъ. Отъ того разумъ обращается въ умную хитрость, сердечное чувство—въ слѣ-

Библиотека "Руниверс"

ную страсть, красота — въ мечту, истина — въ мнѣніе; наука — въ силлогизмъ; существенность — въ предлогъ къ воображенію; добродѣтель — въ самодовольство, а театральность является неотвязною спутницею жизни, внѣшнею прикрышкою лжи, — какъ мечтательность служитъ ей внутреннею маскою.

Но назвавъ «самодовольство», я коснулся еще одного, довольно общаго отличія Западнаго человѣка отъ Русскаго. Западный, говоря вообще, почти всегда доволенъ своимъ нравственнымъ состояніемъ; почти каждый изъ Европейцевъ всегда готовъ, съ гордостію ударяя себя по сердцу, говорить себѣ и другимъ: что совѣсть его вполнѣ спокойна, что онъ совершенно чистъ передъ Богомъ и людьми, что онъ одного только проситъ у Бога: что-бы другіе люди всѣ были на него похожи. — Если-же случится, что самыя наружныя дѣйствія его придутъ въ противорѣчіе съ общепринятыми понятіями о нравственности: онъ выдумываетъ себѣ особую, оригинальную систему нравственности, въ слѣдствіе которой его совѣсть опять успокоивается.— Русской человѣкъ, напротивъ того, всегда живо чувствуетъ свои недостатки, и чѣмъ выше восходитъ по лѣстницѣ нравственнаго развитія, тѣмъ болѣе требуетъ отъ себя, и потому тѣмъ менѣе бываетъ доволенъ собою. — При уклоненіяхъ отъ истиннаго пути, онъ не ищетъ обмануть себя какимъ-нибудь хитрымъ разсужденіемъ, придавая наружный видъ правильности своему внутреннему заблужденію; но, даже въ самыя страстныя минуты увлеченія, всегда готовъ сознать его нравственную незаконность.

Но остановимся здѣсь и соберемъ вмѣстѣ все сказанное нами о различіи просвѣщенія Западно-Европейскаго и древне-Русскаго: ибо, кажется, достаточно уже замѣченныхъ нами особенностей для того, что-

Библиотека "Руниверс"

бы, сведя ихъ въ одинъ итогъ, вывести ясное опредѣленіе характера той и другой образованности:

Христіанство проникало въ умы Западныхъ народовъ черезъ ученіе одной Римской Церкви; — въ Россіи оно зажигалось на свѣтильникахъ всей Церкви Православной; богословіе на Западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности; — въ Православномъ мірѣ оно сохранило внутреннюю цѣльность духа; тамъ раздвоеніе силъ разума;—здѣсь стремленіе къ ихъ живой совокупности; тамъ движеніе ума къ истинѣ посредствомъ логическаго сцѣпленія понятій, — здѣсь стремленіе къ ней посредствомъ внутренняго возвышенія самосознанія къ сердечной цѣльности и средоточію разума; тамъ исканіе наружнаго, мертваго единства; — здѣсь стремленіе къ внутреннему, живому; тамъ Церковь смѣшалась съ государствомъ, соединивъ духовную власть со свѣтскою и сливая церковное и мірское значеніе въ одно устройство, смѣшаннаго характера; — въ Россіи она оставалась не смѣшанною съ мірскими цѣлями и устройствомъ; тамъ схоластическіе и юридическіе университеты; — въ древней Россіи молитвенные монастыри, сосредоточивавшіе въ себѣ высшее знаніе; тамъ разсудочное и школьное изученіе высшихъ истинъ; — здѣсь стремленіе къ ихъ живому и цѣльному познаванію; тамъ взаимное проростаніе образованности языческой и христіанской; — здѣсь постоянное стремленіе къ очищенію истины; тамъ государственность изъ насилія завоеванія; — здѣсь изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основнаго убѣжденія; тамъ враждебная разграниченность сословій; — въ древней Россіи ихъ единодушная совокупность, при естественной разновидности; тамъ искуственная связь рыцарскихъ замковъ съ ихъ принадлежностями составляетъ отдѣльныя го-

Библиотека "Руниверс"

сударства;—здѣсь совокупное согласіе всей земли духовно выражаетъ нераздѣлимое единство; тамъ поземельная собственность — первое основаніе гражданскихъ отношеній; — здѣсь собственность только случайное выраженіе отношеній личныхъ; тамъ законность формально логическая;—здѣсь — выходящая изъ быта; тамъ наклонность права къ справедливости внѣшней; здѣсь—предпочтеніе внутренней; тамъ юриспруденція стремится къ логическому кодексу; здѣсь—вмѣсто наружной связности формы съ формою, ищетъ она внутренней связи правомѣрнаго убѣжденія съ убѣжденіями вѣры и быта; тамъ законы исходятъ искусственно изъ господствующаго мнѣнія; — здѣсь они рождались естественно изъ быта; тамъ улучшенія всегда совершались насильственными перемѣнами; здѣсь—стройнымъ естественнымъ возрастаніемъ; тамъ волненіе духа партій; здѣсь—незыблемость основнаго убѣжденія; тамъ прихоть моды; здѣсь — твердость быта; тамъ шаткость личной самозаконности; здѣсь—крѣпость семейныхъ и общественныхъ связей; тамъ щеголеватость роскоши и искусственность жизни;—здѣсь простота жизненныхъ потребностей и бодрость нравственнаго мужества; тамъ изнѣженность мечтательности; — здѣсь здоровая цѣльность разумныхъ силъ; тамъ внутренняя тревожность духа, при разсудочной увѣренности въ своемъ нравственномъ совершенствѣ;—у Русскаго—глубокая тишина и спокойствіе внутренняго самосознанія, при постоянной недовѣрчивости къ себѣ и при неограниченной требовательности нравственнаго усовершенія; однимъ словомъ, тамъ раздвоеніе духа, раздвоеніе мыслей, раздвоеніе наукъ, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословій, раздвоеніе общества, раздвоеніе семейныхъ правъ и обязанностей, раздвоеніе нравственнаго и сердечнаго

Библиотека "Руниверс"

состоянія, раздвоеніе всей совокупности и всѣхъ отдѣльныхъ видовъ бытія человѣческаго, общественнаго и частнаго; — въ Россіи, напротивъ того, преимущественное стремленіе къ цѣльности бытія внутренняго и внѣшняго, общественнаго и частнаго, умозрительнаго и житейскаго, искусственнаго и нравственнаго.— Потому, если справедливо сказанное нами прежде, то: *раздвоеніе* и *цѣльность*, *разсудочность* и *разумность*, будутъ послѣднимъ выраженіемъ Западно-Европейской и древне-Русской образованности.

Но здѣсь естественно приходитъ вопросъ: отъ чего же образованность Русская не развилась полнѣе образованности Европейской, прежде введенія въ Россію просвѣщенія Западнаго?—Отъ чего не опередила Россія Европу?—Отъ чего не стала она во главѣ умственнаго движенія всего человѣчества, имѣя столько залоговъ для правильнаго и всеобъемлющаго развитія духа?

Въ объясненіе этого сказать: что если развитіе Русскаго ума отдалилось на нѣсколько вѣковъ отъ того времени, когда оно, по вѣроятности, должно было совершиться, то это произошло по высшей волѣ Провидѣнія: — значило бы сказать мысль справедливую, но не отвѣтную. Святое Провидѣніе не безъ нравственной причины человѣка продолжаетъ или сокращаетъ назначенный ему путь. Отъ Египта до обѣтованной земли, Израильскій народъ могъ совершить въ 40 дней то путешествіе черезъ пустыни Аравійскія, которое онъ совершалъ 40 лѣтъ только потому, что душа его удалялась отъ чистаго стремленія къ Богу, его ведущему.

Но мы говорили уже, что каждый Патріархатъ во Вселенской Церкви, каждый народъ, каждый чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣкъ, принося на служеніе ей свою личную особенность, въ самомъ развитіи этой особенности встрѣчаетъ опасность для своего внутренняго равновѣсія и для своего согласнаго пребыванія въ общемъ духѣ Православія.

Въ чемъ же заключалась особенность Россіи, сравнительно съ другими народами міра Православнаго, и гдѣ таилась для нея опасность? — И не развилась ли эта особенность въ нѣкоторое излишество, могущее уклонить ея умственное направленіе отъ прямаго пути къ назначенной ему цѣли?

Здѣсь конечно могутъ быть только гадательныя предположенія. Что касается до моего личнаго мнѣнія, то я думаю, что особенность Россіи заключалась въ самой полнотѣ и чистотѣ того выраженія, которое Христіанское ученіе получило въ ней,—во всемъ объемѣ ея общественнаго и частнаго быта. Въ этомъ состояла главная сила ея образованности; но въ этомъ же таилась и главная опасность для ея развитія. Чистота выраженія такъ сливалась съ выражаемымъ духомъ, что человѣку легко было смѣшать ихъ значительность, и наружную форму уважать наравнѣ съ ея внутреннимъ смысломъ. Отъ этого смѣшенія, конечно, ограждалъ его самый характеръ Православнаго ученія, преимущественно заботящагося о цѣльности духа. Однако же разумъ ученія, принимаемаго человѣкомъ, не совершенно уничтожаетъ въ немъ обще-человѣческую слабость. Въ человѣкѣ и въ народѣ, нравственная свобода воли не уничтожается никакимъ воспитаніемъ и никакими постановленіями. Въ XVI вѣкѣ дѣйствительно видимъ мы, что уваженіе къ формѣ уже во многомъ преобладаетъ надъ уваженіемъ духа. Можетъ быть, начало этого неравновѣсія должно искать еще и пре-

Библиотека "Руниверс"

жде; но въ XVI вѣкѣ оно уже становится видимымъ. Нѣкоторыя поврежденія, вкравшіяся въ богослужебныя книги, и нѣкоторыя особенности въ наружныхъ обрядахъ Церкви, упорно удерживались въ народѣ, не смотря на то, что безпрестанныя сношенія съ Востокомъ должны бы были вразумить его о несходствахъ съ другими Церквами. Въ тоже время видимъ мы, что частныя юридическія постановленія Византіи не только изучались, но и уважались наравнѣ почти съ постановленіями обще-Церковными, и уже выражается требованіе: примѣнять ихъ къ Россіи, какъ бы они имѣли всеобщую обязательность. — Въ тоже время въ монастыряхъ, сохранявшихъ свое наружное благолѣпіе, замѣчался нѣкоторый упадокъ въ строгости жизни. — Въ тоже время, правильное въ началѣ, образованіе взаимныхъ отношеній бояръ и помѣщиковъ—начинаетъ принимать характеръ уродливой формальности запутаннаго мѣстничества.—Въ тоже время близость Уніи, страхомъ чуждыхъ нововведеній, еще болѣе усиливаетъ общее стремленіе къ боязливому сохраненію всей, даже наружной и буквальной цѣлости въ коренной Русской Православной образованности.

Такимъ образомъ уваженіе къ преданію, которымъ стояла Россія, нечувствительно для нея самой, перешло въ уваженіе болѣе наружныхъ формъ его, чѣмъ его оживляющаго духа. — Оттуда произошла та односторонность въ Русской образованности, которой рѣзкимъ послѣдствіемъ былъ Іоаннъ Грозный, и которая, черезъ вѣкъ послѣ, была причиною расколовъ и, потомъ, своею ограниченностью должна была въ нѣкоторой части мыслящихъ людей произвести противуположную себѣ, другую односторонность: стремленіе къ формамъ чужимъ и къ чужому духу.

Библиотека "Руниверс"

Но корень образованности Россіи живетъ еще въ ея народѣ и, что всего важнѣе, онъ живетъ въ его Святой, Православной Церкви. Потому на этомъ только основаніи, и ни на какомъ другомъ, должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи.... Построеніе же этого зданія можетъ совершиться тогда, когда тотъ классъ народа нашего, который не исключительно занятъ добываніемъ матерьяльныхъ средствъ жизни и которому, слѣдовательно, въ общественномъ составѣ преимущественно предоставлено значеніе: вырабатывать мысленно общественное самосознаніе, — когда этотъ классъ, говорю я, до сихъ поръ проникнутый западными понятіями, наконецъ полнѣе убѣдится въ односторонности Европейскаго просвѣщенія; когда онъ живѣе почувствуетъ потребность новыхъ умственныхъ началъ; когда, съ разумною жаждою полной правды, онъ обратится къ чистымъ источникамъ древней Православной вѣры своего народа, и чуткимъ сердцемъ будетъ прислушиваться къ яснымъ еще отголоскамъ этой Святой вѣры отечества въ прежней, родимой жизни Россіи. Тогда, — вырвавшись изъ подъ гнета разсудочныхъ системъ Европейскаго любомудрія,—Русской образованный человѣкъ, въ глубинѣ особеннаго, недоступнаго для западныхъ понятій, живаго, цѣльнаго умозрѣнія Святыхъ Отцовъ Церкви, найдетъ самые полные отвѣты именно на тѣ вопросы ума и сердца, которые всего болѣе тревожатъ душу, обманутую послѣдними результатами западнаго самосознанія. А въ прежней жизни отечества своего онъ найдетъ возможность понять развитіе другой образованности.

Тогда возможна будетъ въ Россіи наука, основанная на самобытныхъ началахъ, отличныхъ отъ тѣхъ,

Библиотека "Руниверс"

какія намъ предлагаетъ просвѣщеніе Европейское. Тогда возможно будетъ въ Россіи искусство, на самородномъ корнѣ разцвѣтающее (1). Тогда жизнь общественная въ Россіи утвердится въ направленіи, отличномъ отъ того, какое можетъ ей сообщить образованность Западная.

Однакоже, говоря: «направленіе,» я не излишнимъ почитаю прибавить, что этимъ словомъ я рѣзко ограничиваю весь смыслъ моего желанія. Ибо, если когда нибудь случилось бы мнѣ увидѣть во снѣ, что какая либо изъ внѣшнихъ особенностей нашей прежней жизни, давно погибшая, вдругъ воскресла посреди насъ и въ прежнемъ видѣ своемъ вмѣшалась въ настоящую жизнь нашу: то это видѣніе не обрадовало бы меня. Напротивъ: оно испугало бы меня. Ибо такое перемѣщеніе прошлаго въ новое, отжившаго въ живущее, было бы тоже, что перестановка колеса изъ одной машины въ другую, другаго устройства и размѣра: въ такомъ случаѣ или колесо должно сломаться, или машина. Одного только желаю я: чтобы тѣ начала жизни, которыя хранятся въ ученіи Святой Православной Церкви, вполнѣ проникнули убѣжденія всѣхъ степеней и сословій нашихъ; чтобы эти высшія начала, господствуя надъ просвѣщеніемъ Европейскимъ и не вытѣсняя его, но напротивъ, обнимая его своею пол-

(1) О современномъ состояніи искусства и о характерѣ его будущаго развитія было еще въ 1843 году высказано нѣсколько глубокихъ мыслей А. С. Хомяковымъ, въ его статьѣ: *Письмо въ Петербургъ*, напечатанной въ 2-мъ № Москвитянина того года; но тогда воззрѣніе это было, кажется, еще преждевременно для нашей публики, ибо литература наша неотозвалась на эти живыя мысли тѣмъ отвѣтомъ, какой бы должно было ожидать отъ нея при болѣе сознательномъ расположеніи умовъ....

Библиотека "Руниверс"

нотою, дали ему высшій смыслъ и последнее развитіе; и чтобы та *цѣльность* бытія, которую мы замѣчаемъ въ древней, была навсегда удѣломъ настоящей и будущей нашей Православной Россіи....

И. Кирѣевскій.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"